

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**Чародейка
из страны бурь**

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Чародейка из страны бурь

«Автор»

2015

Вербинина В.

Чародейка из страны бурь / В. Вербинина — «Автор»,
2015 — (Амалия – секретный агент императора)

Инспектор полиции Антуан Молине приехал отдохнуть в свой родной городок во время весьма драматичных событий: жестокий убийца, лишивший жизни нескольких женщин, сбежал прямо перед казнью на гильотине! Вся округа замерла в ужасе, люди боялись выходить из домов, и инспектор понял – он не сможет оставаться в стороне. Тем более поимкой преступника занимался его друг детства комиссар Кервелла... Несмотря на все усилия, обнаружить маньяка никак не удавалось, и Антуан решил навестить одинокий дом на острове Дьявола – недавно там поселилась странная семья: муж и его сумасшедшая жена... Дом на острове, где стоял лишь заброшенный маяк, не вызвал у инспектора подозрений. Лишь запала ему в душу прекрасная женщина с необычными золотистыми глазами, увы, лишившаяся рассудка...

© Вербинина В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
МЕСТЬ	25
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерия Вербинина

Чародейка из страны бурь

© Вербинина В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

«Поскорее бы все это кончилось».

Узник лежал, скорчившись под тощим тюремным одеялом. Взгляд терялся в полумраке камеры. Единственное окно слишком высоко, и даже днем из него были видны только ветви дерева, растущего снаружи.

«Как медленно тянется время... А что, если бы оно остановилось? Насовсем. Или повернулось вспять. Да, мне бы вернуться в тот день, когда... Когда я еще мог убежать. Скрыться... Ведь я сразу же почувствовал, что что-то не так, едва увидел того полицейского...»

Из коридора донесся стук башмаков охранника, подкованных железом. Узник на кровати дернулся, закусил ноготь большого пальца. Глаза его лихорадочно блеснули.

«И не надоело ему там ходить? Сколько сейчас – час? Два ночи?»

Ветер завыл, засвистел за окном, затряс ветви дерева, и тут же человека, терзаемого бессонницей, поразила другая мысль:

«Завтра в это время меня уже не будет... Все останется – и ветер, и небо, и дерево за окном моей камеры... А меня больше не будет. Отчего? За что?»

Он мысленным взором увидел себя, лежащего в деревянном ящике с отрубленной головой, неумело приставленной к телу; увидел даже следы запекшейся крови там, куда упадет нож гильотины. Видение было таким отчетливым и таким неприятным, что он в приливе паники даже ощупал свою шею, проверяя, на месте ли его голова.

«А ведь президент мог меня помиловать... но не сделал этого. И теперь я умру. Умру, умру, я умру... О, боже мой...»

Узник заворочался на кровати, сбросил одеяло, которое душило его, потом, почувствовав холод, снова накрылся. Он был уверен, что уже не уснет, ни за что, никогда не уснет, но, едва закрыв глаза, и сам не заметил, как провалился в тяжелое забытие.

Его разбудил надзиратель, добродушный толстяк с рыжеватыми усами.

– Поднимайтесь, Варен... Время пришло.

Узник смотрел на него, спросонья ничего не понимая, но затем внезапно вспомнил все, и его губы задрожали. Он сделал над собой усилие, чтобы сглотнуть застрявший в горле ком, но тот никуда не собирался деваться.

– Уже? – давясь этим комом, прошептал человек, осужденный на смерть.

Он с ужасом вдруг почувствовал, что вот-вот сейчас разрыдается, но какие-то ошметки гордости, самолюбия или упрямства – те, которые застревают в сите человеческой души и остаются там до самого конца, несмотря ни на что, – взбунтовались и вынудили предательские слезы отступить.

– Приведите себя в порядок, – сказал надзиратель. Он смущался, потому что раньше ему не приходилось иметь дело с осужденными на смерть, оттого голос его звучал нарочито бодро и неприятно резал слух своей фальшью. – Сейчас принесут завтрак. Можете поесть, если хотите. Священник уже здесь, он будет сопровождать вас до... Ну, сами понимаете. – Узник опустил голову, а надзиратель, машинально бросив взгляд на его затылок с неровно подстриженными темно-русыми волосами, недовольно поморщился. – До чего же скверно вас вчера обкорнали! Ровнее надо было волосы подстричь...

Узника передернуло, он бросил на собеседника взгляд, полный муки.

– Вы не подумайте ничего такого, мсье Мелинер обычно хорошо стрижет, просто вас он до ужаса боялся, – счел нужным объяснить надзиратель. – Он сам мне потом признался...

Узник вспомнил ножницы, которые вчера плясали в руках человека, который его стриг, вспомнил их твякающий лязг, и ему стало обидно, что он тогда не осуществил мысль, пришедшую ему в голову. «Я мог бы вырвать у него ножницы и воткнуть их себе в горло... Покон-

чить с собой... Но не смог. На что я надеялся? Скоро меня выведут из камеры, проведут через двор... Гильотина, наверное, уже стоит за воротами... Сто шагов отделяют меня от смерти. Может быть, больше... Может быть, меньше, какая разница...»

Надзиратель кашлянул.

– Как насчет последнего желания, Варен? – спросил он все тем же невыносимо фальшивым, преувеличенно бодрым голосом.

Верно, у него есть право на последнее желание. Как он мог забыть?

– Я бы хотел...

Он запнулся. Сто шагов отделяют его от смерти – сто шагов и всего лишь несколько минут. Чего он хочет? Конечно, не умирать; но...

– Желание, разумеется, должно быть в границах разумного, – сказал надзиратель. Он ждал ответа, но осужденный молчал. – Может, вина? Или сигару?

«До чего же убогое у людей воображение... Но в самом деле, чего бы я хотел? Написать письмо... Кому? У меня никого нет. Родных не осталось, друзья – те, кого я считал друзьями, – все отвернулись от меня во время судебного процесса... У меня никого нет».

Так и не услышав ответа, надзиратель повторил свое предложение.

– Я ничего не хочу, – устало промолвил узник. Нечеловеческая опустошенность заполонила его душу, сводя на нет любое усилие, любой проблеск надежды или желания, которые еще могли приковывать его к жизни. – Какое это будет иметь значение *там*, потом... А впрочем...

Надзиратель терпеливо ждал.

– Скажите, что это за дерево? – спросил осужденный, указывая на окно, за которым виднелись ветви, качающиеся на ветру.

– Это? – изумился надзиратель. – Это вяз.

– Вяз, – вяло повторил осужденный. – А я, представьте, все время смотрел на него и думал, как он называется...

Тут надзиратель не выдержал.

– Ну что это за последнее желание – узнать, как называется дерево... Может, принести какой-нибудь еды, которую вы любите? Про вино я уже говорил...

...О том, что случилось дальше, надзиратель в тот же вечер будет рассказывать так, сидя в местном кафе:

– Предложил я ему, значит, от чистого сердца... А он усмехнулся, да так нехорошо, что я, ей-богу, весь похолодел, а ведь в тюрьме я всякого насмотрелся. Ну, думаю, не к добру это...

– Конечно, не к добру! – будут с готовностью поддакивать слушатели, потягивая пиво. – Вона ведь как все обернулось-то...

Но в шесть часов десять минут пасмурного мартовского утра события в камере смертника еще продвигались своим чередом. Осужденный привел себя в порядок, после чего принесли завтрак, к которому он едва притронулся.

– Только кофе отхлебнул из чашки, – расскажет надзиратель своим приятелям.

Затем явился священник – молодой, недавно назначенный и крайне серьезно относившийся к своей миссии. Он не спал всю ночь, ходил по комнате и упорно, мучительно подбирал слова, которые помогут ему не оттолкнуть, а смягчить этого демона, это чудовище, исповедником которого ему предстояло стать. В том, что он имеет дело именно с чудовищем, священник не сомневался – он, как и все окружающие, знал о процессе и знал, что Фредерик Варен, двадцати четырех лет от роду, был осужден на основании чрезвычайно веских улик и показаний свидетелей, которым защита не смогла ничего противопоставить. Сегодня утром у ворот тюрьмы ему отрубят голову, а пока – что ж, пока у священника есть время, чтобы попытаться спасти душу узника и побудить его покаяться. Однако вместо слов раскаяния священник услышал совсем другие слова. Приговоренный к смерти сообщил:

– Я невиновен.

Часть I

Полицейский на краю земли

Глава 1

После бури

В то утро Антуан Молине проснулся, не успев досмотреть сон, который привиделся ему незадолго до пробуждения. Это был обычный полицейский сон, в котором инспектор – совсем как наяву – преследовал очередного преступника, который убегал от него с головокружительной скоростью, так что Антуану никак не удавалось его настигнуть. Мимо проносились стены домов, оживленные парижские бульвары неожиданно сменялись узкими улочками Кемпера с их фахверковыми¹ постройками. Инспектор то летел, то оказывался верхом на лошади, а потом впереди возникла то ли река, то ли море с лодкой, покачивающейся на волнах. К тому моменту Антуан уже сообразил, что все происходящее – сон, не имеющий ровным счетом никакого значения. И все же, когда он пробудился, первым его ощущением было смутное неудовольствие, знакомое всякому, кто только что стряхнул с себя морок кошмара, но так и не избавился от неприятного чувства, что тот до сих пор находится где-то неподалеку и упорно пытается протянуть в реальный мир свои цепкие паучьи лапки.

«Это все из-за бури», – смутно подумал Антуан, ворочаясь с боку на бок и вспоминая шторм, который бушевал два дня с перерывами и стал стихать только вчера вечером. От подушки пахло лавандой, мешочками с которой тетя Мариэтта всегда перекладывала белье. Прислушавшись, Антуан различил, как где-то под полом шуршит мышь, пробирающаяся обратно в свою норку. Он уже знал, что сегодня больше не заснет, но в то же время ничто не побуждало его вставать с постели. Перевернувшись на спину, инспектор закинул руку за голову и стал смотреть на потемневшие балки потолка. Две недели отпуска после ранения, которое едва не стоило ему жизни, – чего бы он не отдал несколько месяцев назад за эти две недели отдыха, а сегодня, едва вспомнив, что идет только третий день отпуска, он не мог удержаться от вздоха разочарования. И дело было вовсе не в тетке, молчаливой хлопотунье, и не в ее доме, стоящем недалеко от продуваемого ветрами бретонского берега, дело было в нем, Антуане Молине. Бездействие тяготило его, будь это даже бездействие заслуженное, передышка после нелегкой работы в парижской полиции.

«Вчера старуха Соланж сказала Мариэтте: «Ваш-то выйдет как настоящий парижанин...» Наверное, в чем-то она права. Большие города – совсем не то, что маленькие, я уж не говорю об этой деревеньке... После Парижа все не то. И чем же мне тут заняться? Только спать да есть. Когда штормит, даже рыбу удить невозможно. Хорошо хоть Кервелла написал из Кемпера, приглашает меня к себе в гости послезавтра, в воскресенье. Забавно, как сложилась жизнь: мы оба стали полицейскими, я инспектор в Париже, а его в Кемпере повысили до комиссара, после того громкого дела. Интересно, он не собирается перебраться в столицу? Хотя он всегда говорил, его больше привлекает размеренная провинциальная жизнь... В Париже, мол, беспокойно, любой мерзавец может тебя прихлопнуть ни за что... Как оно едва не случилось со мной».

Поморщившись при одном воспоминании об этом, Антуан засунул ладонь под пиджак и потрогал шрам возле сердца – след от раны, едва не ставшей смертельной. Ему до сих пор

---

¹ Фахверк – известный со Средневековья тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит пространственная секция из наклонных балок. Они видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид.

казалось странным, что шрам этот останется с ним до конца его дней, никуда не исчезнет, что бы он ни делал, и в гробу они тоже окажутся вдвоем рядом. Тут же мелькнула глупейшая, в сущности, мысль, что Жерар Кервелла, друг его детства, нипочем бы не совершил такой ошибки. О, Жерар всегда отлично умел устраиваться – и женился выгодно, и работу себе подобрал такую, чтобы опасности обходили его стороной, и отличился именно тогда, когда было нужно. Хитрец, с какой стороны ни взгляни, а для большинства наверняка – пример для подражания.

«Черт возьми, уж не завидую ли я ему?»

Но Антуан не успел ответить на этот вопрос, потому что расслышал осторожные шаги тетки в коридоре, покашливание горничной Сюзанны где-то в глубине дома и понял, что день вступает в свои права. Еще не хватало, чтобы его сочли неженкой, который валяется в постели до девяти утра. Поэтому он был на ногах уже за секунду до того, как тетка постучала в дверь.

– Доброе утро, Антуан... Завтрак будет через четверть часа.

Она говорила глуховатым голосом, роняя отрывистые фразы. Волосы, брови и ресницы у нее были одного оттенка – белесого, и даже седина отступала, теряясь на их фоне. Антуан, тот, напротив, пошел в отца-южанина: черные как вороново крыло волосы, черные, глубоко посаженные глаза и черные же, низко нависшие прямые брови. Он нравился женщинам, но предпочитал одиночество; серьезные отношения его тяготили, к тому же из-за своей работы он знал о людях слишком много, он инстинктивно привык никому не доверять и никого не пускать в свою жизнь. На тетку, которая его обожала и возилась с ним, еще когда он был маленьким мальчиком, это, само собой, не распространялось. В сущности, для Антуана, давно потерявшего родителей, она оставалась единственным близким человеком.

– Как там погода? – спросил он. – Надеюсь, ваших кур ветром не унесло?

Но тетка, словно не заметив попытки пошутить, серьезно ответила, что все в порядке, шторм угомонился, а что до кур, то ни одна из них не пострадала.

– А вот у старика Шовеля вчера разбило лодку, – добавила она. – Зря он вздумал в такой ветрище в море выходить. Хорошо еще, что он с сыновьями кое-как дотянул до берега. А то запросто могли бы утонуть.

Пришла Сюзанна, которая принесла воду для умывания, и Мариэтта, окинув служанку строгим взглядом, удалилась. Взгляд не относился к какому-то конкретному проступку горничной в прошлом; это был, так сказать, привычный для тетки взгляд, который словно говорил: «Веди себя хорошо, не отлынивай от работы и не позволяй себе ничего лишнего, потому что я не собираюсь выпускать тебя из виду». Однако по взорам, которые маленькая востроносая Сюзанна украдкой бросала на Антуана, было ясно, что внушения хозяйки имели над горничной власть только отчасти. Молине усмехнулся про себя. Он умылся и привел себя в порядок, а Сюзанна то держала кувшин с водой, то ходила по комнате, отдергивая занавески и прибираясь, и несколько раз задела Антуана своим платьем, как бы не нарочно, но все же с вполне определенным намеком. «Вот чертовка, – весело подумал он, – как будто она не понимает, что Мариэтта сразу же выгонит ее, если что узнает...»

Он спустился вниз и сразу же отметил, как ярко горит огонь в камине – тетка, конечно же, велела зажечь его только ради Антуана; будь дома лишь она и слуги, она бы и не подумала этого делать. Стены столовой были голые, мебель – крепкая, бретонская, имеющая обыкновение переживать несколько поколений своих хозяев. Если бы не скатерть на столе и не вышитые салфеточки, заботливо разостланные повсюду, обстановка казалась бы совсем мрачной. Фотографии своего мужа Мариэтта держала в соседней гостиной и то ли случайно, то ли с умыслом задвинула их в самый дальний угол. Антуан никогда не спрашивал ее о том, был ли ее брак счастливым, как не спрашивал и о том, был ли в нем вообще хоть какой-то смысл, кроме того, что его обожаемая тетя стала носить обручальное кольцо и фамилию «Ле Таллек», похоронила двух детей, умерших в младенчестве, а потом овдовела и осталась жить в доме супруга, кото-

рый получила в наследство. Сейчас Мариэтте шел пятьдесят третий год, но ее серые пронизательные глаза видели так же ясно, как и в юности. Она держала большое хозяйство, а кроме того, занималась садом, в котором росли яблони – все как на подбор крепенькие и коренастые, похожие на нее саму. Она знала все обо всех соседях, ни с кем особенно не дружила, много лет подряд выписывала одну и ту же газету – ту, которую привык читать ее муж, и не пропускала ни одной воскресной мессы в местной церкви. Выходя на улицу, она, как и большинство женщин здесь, надевала бретонский чепец, который придает местным уроженкам столь живописный вид. Романист XIX века, скорее всего, счел бы ее скучной и узколобой, а романист века XX даже не стал бы тратить на нее свое драгоценное время. Она не отличалась излишней разговорчивостью и только ради племянника, который навещал ее нечасто, делала над собой усилие. Вот и теперь, поедая завтрак, а кормили у тети Мариэтты чертовски хорошо, Антуан узнал о том, что яйца подорожали, что рыбак Журдан бросил жену и ушел к другой и что на острове Дьявола кто-то поселился.

– Да ну? – усомнился Антуан. – Там же никого нет, кроме чаек. Несколько старых домов и полуразрушенный маяк – кто же станет там жить?

Островом Дьявола местные жители окрестили один из прибрежных островков, который в официальных картах имел вполне благозвучное название – которое, однако, рыбаки упорно игнорировали. Сам остров имел крайне дурную славу из-за того, что возле него часто происходили кораблекрушения, и даже постройка маяка мало что изменила. Смотрители маяка, которых сюда забрасывала судьба, тоже не задерживались надолго на своей работе: кто-то спивался, кто-то сходил с ума, а кто-то сводил счеты с жизнью. Кончилось все тем, что при Наполеоне III на побережье был выстроен другой маяк, а маяк на острове Дьявола прекратил свое существование. Какое-то время возле него еще жили несколько рыбацких семей, но так как за любыми продуктами им приходилось переплывать на лодке беспокойное море, мало-помалу все предпочли переселиться на континент. Уже несколько лет остров Дьявола был необитаем, и поэтому удивление Антуана можно легко понять.

– Уж и не знаю, что это за люди, – сказала тетка в ответ на слова собеседника, – но они купили одну из лодок папаши Руайера, чтобы отправиться на остров, и сказали, что будут там жить. Помнишь, я тебе рассказывала о Спонтини, весельчаке из Ниццы, что был на маяке последним смотрителем? Он все смеялся над тем, какая тут скверная погода, какие хмурые лица, и клялся, что с ним ничего такого не случится...

– Помню, – кивнул Антуан. – У него была жена и двое детей. И друг детства, который часто навещался в гости.

– А потом смотритель взял и всех убил, – продолжала Мариэтта будничным тоном. – Жену, детей и друга, а последнюю пулю пустил себе в голову. Потому что жена, как оказалось, была ему неверна, и дети тоже были не от него, а от того самого друга. Спонтини во всем себе отказывал, лишь бы его семье было хорошо, даже пианино откуда-то привез... И жили они не в домике смотрителя при маяке, а в лучшем доме на острове. Ну так вот его приезжие и сняли.

Антуан не был суеверен, но все же поежился. Он отлично знал, какие слухи ходили о том самом доме и привидениях, которые там бродят. Порой случалось, что рыбакам, которых застиг шторм, приходилось ночевать на острове Дьявола, но никто, даже самые отчаянные смельчаки, не отважился бы подойти к дому Спонтини после наступления сумерек.

– Зачем снимать дом, у которого такая дурная слава? – проворчал Антуан.

– Может быть, они просто не знают? – предположила тетка, пожимая плечами. – Или их соблазнила низкая цена. Жадность, – спокойно заключила она.

– Так или иначе, они скоро поймут, что совершили невыгодную покупку, – буркнул ее собеседник, поднимаясь с места. – Да, чуть было не забыл... Послезавтра я собираюсь в Кем-

пер, скажи Симону, чтобы он довез меня до станции. Я отправлюсь с поездом, который отходит в одиннадцать.

– А вернешься когда? – спросила Мариэтта. Несмотря на то что она привыкла держать себя в руках, в ее голосе прозвучало нечто неодобрительное, похожее на... Ну да, похожее на легкую женскую ревность.

– Не знаю, как получится. Переночую у Жеже... у Жерара. Ты знаешь, что он теперь комиссар? В тридцать шесть лет...

Он не хотел заводить разговор об этом – и досадливо прикусил губу, сердясь на себя. Мариэтта метнула на него быстрый взгляд, и улыбка тронула ее сжатые губы.

– А ты бы хотел быть на его месте?

– Вот еще! С какой это стати?

– Никогда не завидуй человеку, пока не увидишь, где его поджидает черный камень, – назидательно сказала Мариэтта.

– Какой еще черный камень? – вырвалось у озадаченного Антуана.

– Я так это называю, – объяснила тетка. – Черный камень – это, понимаешь, как подножка судьбы. У нашего соседа Гареля в саду был такой камень, – огромный, вросший в землю. Черный как уголь, даже мох на нем не рос. Старый Гарель ходил мимо того камня, наверное, по сто раз в день. Ты помнишь Гареля? Он три раза был женат и всех своих жен уморил, чтобы прибрать к рукам их денежки и передать их единственному сыну. Словом, жил он себе, не тужил, да еще похвалялся, мол, как у него все хорошо, а потом проходил как-то днем мимо того камня, оступился и бац – ударился о него головой и помер. А сын его через неделю утонул в море.

– Значит, черный камень, который погубил Гареля, все это время находился рядом с ним? – спросил Антуан.

– Да, словно затаился и ждал своего часа. Никогда не завидуй ни богатым, ни могущественным, ни везучим – потому что ты не знаешь, где лежит их черный камень и каким он будет.

Но Антуан лишь пожал плечами.

– Видите ли, тетя, я достаточно видел преступников, которые ускользнули от правосудия, и не только их, но и самых разных людей, которых ваш кюре Жозеф счел бы порядочными грешниками. Вот что я вам скажу: расплата, которую вы называете «черным камнем», постигает далеко не каждого. Да, далеко не каждого...

– Я не буду с тобой спорить, – вздохнула Мариэтта. – Только ведь расплата бывает разной, Антуан. И если она не бросается в глаза, то это не значит, что ее на самом деле нет.

– Это могло бы меня утешить, – парировал инспектор, – если бы я мог мыслить, как вы. Однако мой опыт говорит об обратном: бывают хорошие люди, которые мучаются, и недобрые, которые не знают ни бед, ни даже угрызений совести. Иногда, конечно, случается и так, что страдания обрушиваются на голову, которая сполна их заслужила... Но, тетушка, это такая лотерея!

– Жениться тебе надо, – со вздохом заметила тетка без всякой видимой связи с предыдущим замечанием. – Ты об этом не думал, Антуан?

– Думал.

– И что?

Ее собеседник развел руками.

– Как видите, ничего еще пока не надумал.

Мариэтта внимательно посмотрела на собеседника. Она была не прочь подыскать племяннику невесту среди местных девушек и отнеслась бы к этой задаче со всей ответственностью; но что-то подсказывало ей, что если бы Антуан собирался жениться, он бы, так или иначе, завел разговор об этом, а если она первая предложит свои услуги в качестве свахи, он, чего доброго, еще решит поставить ее на место. Поэтому она только сказала:

– Я была бы рада, если бы у тебя была семья.

И дети.

– Я бы тоже был бы рад, наверное, – с расстановкой произнес Антуан. – Но вы же знаете, у кого-то это выходит как бы само собой... Я имею в виду брак и все прочее... А кому-то на роду написано оставаться холостяком. Наверное, я из последних, – заключил он.

Глава 2

Известие

После завтрака Антуан отправился на прогулку – просто так, без какой-либо определенной цели. Дорога привела его к скалистому берегу. Серая, как сталь, вода перекачивалась волнами. Пенясь, они врезались в берег и уползали прочь, чтобы снова начать свой разбег, – и так без конца и края.

Антуан поискал взглядом маяк на острове Дьявола и нахмурился. И кому только пришло в голову там поселиться? Еще он подумал, что название департамента, в котором он находится, – Финистер, не зря производят от латинского «*finis terrae*», что означает «край земли»².

Сам Антуан родился и вырос в Кемпере, куда по службе перевели его отца – чиновника. Будущий инспектор полиции ходил в местную школу и привык с детства говорить на двух языках – французском и бретонском, но потом судьба забросила его в Париж, который с легкостью перемалывает и людей крепче, чем провинциал из Финистера. Непрочные связи, еще соединявшие его с Бретанью, почти все оборвались после отъезда, да и бретонский язык он успел подзабыть, обретаясь в столице. «Да и потом, какой из меня бретонец? Отец родом из Прованса, с материнской стороны бабка – ирландка... Правда, Мариэтта всегда говорила, что упрямство у меня – исконно бретонское. Этого уж не изменить. Да, точно».

Бросив последний взгляд на океан, на лодки рыбаков и бездействующий маяк, Антуан повернулся и, засунув руки в карманы, зашагал прочь. Мысли его неотвязно крутились вокруг незнакомцев, которые рискнули поселиться на острове с такой дурной славой, и он решил во что бы то ни стало узнать, кем они являлись и что, собственно говоря, им было нужно в этих краях.

Вообще-то проще всего было бы попросить тетку навести соответствующие справки, и можно не сомневаться, что уже к вечеру Антуан знал бы всю подноготную чужаков, но инспектора не прельщали легкие пути. Конечно, Мариэтта была бы только рада услужить племяннику, но это означало, что ему не придется ничего делать самому – только высказать просьбу и ждать, когда ее выполнят. Другое дело – если он сам отправится в бистро, центр местных сплетен, или отыщет папашу Руайера, у которого чужаки купили лодку, и попытается разговорить его. Трудность дела усугублялась тем, что бретонцы – народ недоверчивый, не склонный к излишним откровениям, и Антуан не удержался от азартной усмешки, представив, сколько усилий ему придется приложить для достижения своей цели.

«Во-первых, приглашу Руайера выпить со мной стаканчик, во-вторых, поинтересуюсь, как его дела, а потом уже можно будет навести разговор на главное...»

Тут он увидел, что находится возле дома кюре Жозефа. Сам священник, высокий, тощий мужчина средних лет, стоял в саду, опираясь на лопату, и мрачно смотрел на ростки у своих ног.

Местные жители очень уважали кюре Жозефа, даром что он был не бретонец, а француз. Когда однажды налетела буря и одна из лодок не вернулась с лова рыбы, кюре молился в церкви всю ночь напролет, пока не пришло известие, что часть потерпевших крушение рыбаков подобрал проходивший мимо корабль и таким образом спас им жизнь. Сам кюре жил скромно, не вызывая пересудов, и был только один момент, который если не делал его притчей во языцех, то, во всяком случае, не на шутку интриговал прихожан. Дело в том, что кюре ненавидел тыквы.

---

² Департамент – иными словами, область Франции, административная единица. Финистер – один из департаментов региона Бретань (северо-запад Франции). Кемпер – главный город Финистера.

Об этой странной неприязни стало известно, как только кюре Жозеф обосновался в деревне, но что осталось тайной, так это причина, породившая столь необычное отвращение. Любое упоминание о тыкве – или, не дай бог, ее появление в любом виде – выводило обычно спокойного и рассудительного священника из себя. Было доподлинно известно, что когда на местном базаре продавали тыквы, кюре нарочно делал крюк, чтобы обходить его стороной. На человека, который простодушно признавался, что ничего не имеет против пирогов с тыквой или тыквенных семечек, отец Жозеф смотрел так, как будто его собеседник только что вступил на дорогу, прямиком ведущую в ад. К несчастью, сам кюре любил возиться у себя в саду, и дьявол, который, должно быть, уже давно размышлял, как ему подступиться к практически безгрешному священнику, с радостью ухватился за эту возможность. Словом, когда отцу Жозефу пришла в голову фантазия выписать по почте семена каких-то необыкновенно вкусных и притом неприхотливых огурцов, отправитель, само собой, перепутал и прислал семена тыквы. С той самой поры жизнь кюре превратилась в кошмар. Тыквы захватили его маленький уютный садик и навели там свой рыжий пузатый порядок. Как ни бился кюре, как он ни воевал с захватчиками, сколько ни пытался растить на своей земле кабачки, редис или картофель, все было тщетно: единственным, что ему удавалось на славу, оставались тыквы. Они плодились и множились, вырастая порой до гигантских размеров, так что в конце концов слава о священнике, у которого в саду растут тыквы необыкновенной величины, дошла до самого Кемпера, и оттуда прислали доходягу-фотографа, который запечатлел для вечности кюре, стоящего с видом мученика среди грядок, заполненных глыбообразными чудовищами. И хотя продажа рыжих монстров приносила кое-какие деньги, отец Жозеф оставался безутешен и то и дело предпринимал новые попытки разделаться с возмутителями своего спокойствия. Видя сейчас выражение лица священника, Антуан подумал, что тот, должно быть, опять проиграл и что, стало быть, тыквы снова вырастут на славу.

– Доброе утро, господин кюре! – крикнул инспектор.

– Доброе утро, господин Молине, – сдержанно ответил священник. – Вы уже слышали новость?

– Какую?

«Уж не расскажет ли он мне о тех, что поселились на острове Дьявола? Ну-ка, ну-ка... А ведь в самом деле: кюре наверняка должен быть в курсе, что это за люди. Хоть он и кажется человеком, погруженным в себя, на самом деле он очень даже хорошо замечает все, что происходит вокруг...»

– Фредерик Варен сбежал, – объявил священник.

Антуан остолбенел.

– Вы шутите, надеюсь?

– Какие тут могут быть шутки? – устало ответил кюре. – Уже вчера ходили об этом слухи... Даже до нас докатились. Представляете, мэр Кемпера запретил давать информацию в газеты – боялся, что это скажется на его репутации... и на репутации властей, само собой. Они надеялись быстро схватить Варена после того, как он скрылся, и привести смертный приговор в исполнение, но он, ясное дело, бежал не для того, чтобы снова попасться...

Антуан слушал священника, и на скулах инспектора перекатывались желваки. Фредерик Варен бежал, а это значит... Значит, что ни одна женщина в Бретани не может чувствовать себя в безопасности. На счету этого подонка восемь убийств, совершенных с особой жестокостью, а теперь, когда он на свободе, сколько еще незащищенных женщин он убьет?

– Черт побери! – вырвалось у инспектора. – Простите, господин кюре... Но как? Как вообще получилось, что он сумел бежать? Я думал, местная тюрьма вполне надежна...

Тут он совершенно некстати вспомнил, что знаменитый преступник Видок³, ставший впоследствии не менее знаменитым сыщиком, когда-то ухитрился сбежать именно из вполне надежной кемперской тюрьмы, и разозлился.

– Пройдемте в дом, – предложил кюре. – Снаружи холодно... И учтите, – продолжал он, – я знаю только то, что мне рассказали. Возможно, ваши коллеги сообщат вам больше подробностей.

– Я здесь на отдыхе, – сердито бросил Антуан.

– А я разве говорю, что нет? – прищурился его собеседник.

Мужчины устроились в небольшой гостиной, и кюре достал бутылку сидра. С точки зрения Антуана, или той части генов, которая досталась ему от бабушки-ирландки, это был не алкогольный напиток, а лишь паршивенький лимонад, но инспектор помнил, что священник приехал из Нормандии, где без сидра не мыслят свою жизнь, и смирился.

– Вы еще не забыли шторм? – спросил отец Жозеф. – Так вот, Кемпер он тоже затронул, но им казалось, что все обойдется, потому что город не стоит на берегу.

– Я там родился, – сухо заметил Антуан, давая понять, что урок географии сейчас ни к чему. – Какое отношение шторм имеет к бегству Варена? Его что, унесло ветром?

– Не совсем, – усмехнулся священник. – Но давайте по порядку. Итак, вчера утром Варена под конвоем вывели из тюрьмы. Палач и его помощники, мэр и прочие, кому полагается присутствовать на казнях, стояли возле гильотины. Также присутствовали несколько зрителей, которые собрались тут же, несмотря на ранний час⁴. Варен, как мне сообщили, был бледен как полотно и дрожал от холода, потому что был в одной рубашке и брюках. Помощники палача подошли к нему, чтобы уложить его на доску. Один из помощников сказал, что он должен снять рубашку, она не нужна. Варен стал расстегивать пуговицы, и тут, вообразите себе, под порывом ветра сломалось дерево, которое росло неподалеку... какой-то старый вяз. Он обрушился на толпу, оглушил палача и ранил несколько человек. Возникла суматоха, люди стали метаться...

– И Фредерик Варен сбежал?

– И Фредерик Варен сбежал, – эхом откликнулся священник. – Еще сидра?

Но Антуан Молине был так расстроен, что в этот момент не отказался бы даже от содовой, и молча подставил стакан.

– Этому сукину сыну повезло как не знаю кому, – в сердцах сказал он, залпом выпив полстакана сидра. – Только вот Кемпер – не Париж, скрыться там не получится. Особенно после его художеств, – последнее слово инспектор произнес с особенной злостью.

– Тем не менее его до сих пор не сумели схватить, хотя вчера прочесали весь Кемпер вдоль и поперек, – безмятежно отозвался кюре. – Не исключено, что он успел покинуть город.

– Значит, будут еще убийства, – мрачно подытожил Антуан, ероша волосы. – Черт! Воображаю, каково теперь Жеже... Он-то надеялся, что положил им конец!

– Вы о Жераре Кервелла, который его арестовал?

Антуан кивнул.

– Мы с Жераром дружили в детстве. Потом я уехал, а он остался. Его повысили до комиссара, когда он фактически взял Варена с поличным... Нашел отрубленную голову в его комнате.

– Да, я читал газеты, – кивнул кюре. – Но я не знал, что он ваш друг.

– Как по-вашему, куда он может деться?

---

³ Эжен Видок (1775–1857) прославился как преступник, а потом сыщик. Оставил мемуары, много общался с писателями и послужил прототипом нескольких героев французской классики (среди которых Вотрен Оноре де Бальзака).

⁴ Казни во Франции оставались публичными вплоть до 1939 года, но в конце XIX века власти стали принимать меры, чтобы процедура происходила по возможности без большого стечения народа.

И Антуан, и его собеседник отлично понимали, что вопрос задан вовсе не по поводу новоиспеченного комиссара.

– Откуда мне знать? – ответил священник.

– Я просто думал, что это по вашей части. Ну там... Дьявол, и все такое прочее.

– А я-то думал, по моей части Бог и все такое прочее, – усмехнулся кюре. – Неужели я ошибался?

В его словах таилось столько тонкой иронии, что инспектор, который по привычке считал, что любого своего собеседника видит насквозь, был застигнут врасплох.

– Простите, – смутился Антуан. – Я хотел сказать... Я совсем не это имел в виду.

– Нет, мне, конечно, лестно, что вы сочли меня специалистом, – заметил его собеседник с улыбкой. – Только я вряд ли сумею сообщить вам что-нибудь новенькое. Конечно, человек в его положении попытается где-то спрятаться, только... Только ему надо есть, надо спать и быть уверенным, что его не схватят. Нужны деньги, которых у него нет, нужна одежда, потому что человек в одной рубашке при такой погоде неминуемо привлечет внимание. Так что, с какой стороны ни посмотри, он обречен.

Антуан, уже допивший свой сидр, мрачно барабанил пальцами по столу.

– Возможно... Но если он бежал из Кемпера, его могут искать еще очень долго.

– Вас что-то беспокоит? – спросил священник, испытующе глядя на своего собеседника.

– Не то чтобы беспокоит, но... – Антуан неопределенно повел плечом. – Остров Дьявола.

Вам что-нибудь известно о тех, кто решил там пожить?

– Вы спрашиваете меня как полицейский или?..

– Я-то? – Антуан вздохнул. – Боюсь, что как полицейский. Так что не обессудьте...

– Я узнал обо всем этом еще две недели назад и очень удивился. Впрочем, учитывая обстоятельства, это может быть вполне разумным вариантом.

– Что именно?

– Дом на острове снял муж, чья жена сошла с ума, – пояснил кюре. – Его зовут Фализ, Эжен Фализ. Он рантье, жил в Париже, женился... и вдруг такое несчастье. Доктор сказал, что морской воздух и уединение могут привести несчастную женщину в чувство, хотя надежды немного. Остров привлек мсье Фализа тем, что за дом запросили очень недорого.

М-да. Вот тебе и великая тайна, над которой инспектор ломал голову все утро. Чокнутая жена и экономный, но любящий муж, который никак не решится отделаться от супруги и засунуть ее в лечебницу, где ей самое место.

– И сколько всего человек будут жить на острове? – спросил Антуан, раздосадованный тем, что ларчик открывался так просто.

– Сколько? Подождите... Мсье Фализ, его жена и трое слуг. Точнее, двое слуг и служанка. Итого пять человек. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вполне, – искренне ответил Антуан, поднимаясь с места. Он поискал, что бы такого сказать собеседнику на прощание, и отважно добавил: – Должен сказать, ваш сидр – лучший, что я пил за последние десять лет!..

Глава 3

Неожиданный свидетель

«Тем более что я вообще никогда не пью сидра», – закончил про себя Антуан, выходя из дома.

Его одолевала сложная смесь досады, раздражения и осознания собственной бесполезности, – чувства, сумма которых доводила инспектора до иступления, так что даже тело начало зудеть и чесаться. «Дерево у них, видите ли, упало! Прямо во время казни! И мэр тоже хорош! Надо было сразу же объявить мерзавца в розыск, напомнить его приметы, посулить награду... А теперь, если он сбежал из Кемпера, попробуй его отыскать...»

Инспектор подумал, не вернуться ли ему домой, но с ходу отменил эту мысль. Тетка, Сюзанна, фотографии, задвинутые в угол, куры, разгуливающие по двору и всякий раз норотившие попасть под ноги именно ему, – мыслью он охватил все разом и подытожил одним словом: «надоело». Поэтому Антуан зашагал в другую сторону – к заведению папаши Менги, где можно было выпить чего-нибудь существенно более крепкого, чем сидр священника, который не любит тыквы.

В это время дня за стойкой должен был стоять не сам Менги – великан с некогда рыжеватыми, а теперь седыми волосами и удивительно мягким для такой туши голосом, – а один из его сыновей, которые походили на отца примерно так же, как бледный и вялый перевод походит на яркий и своеобразный оригинал. Однако, к удивлению Антуана, обслуживал посетителей сам хозяин, и в бистро набилось раза в три больше народу, чем обычно, – почти все столы были заняты.

Инспектор по старой привычке окинул взглядом лица людей, находившихся в зале, и убедился в том, что ему знакомы все, за вычетом бродяги, который в углу потягивал какое-то дешевое пойло. Но бродяге, судя по его физиономии и всклокоченным седоватым волосам, было не меньше пятидесяти, и он никак не мог являться Фредериком Вареном, которому по бумагам было двадцать четыре года, а выглядел он гораздо моложе.

Также Антуан отметил про себя, что с его появлением атмосфера в заведении немного изменилась – никто, предположим, не оборачивался и не тыкал в него пальцем: «А гляди, а вот и фараон из Парижа», но посетители как будто насторожились, а говорить стали с некоторой опаской. Усмехнувшись, он подошел к стойке.

– Что желаете, сударь? – спросил Менги с подчеркнутой вежливостью.

– Стаканчик куантро, – ответил инспектор, – и хороших новостей.

– Куантро – это запросто, – хладнокровно заметил кабатчик, откупоривая бутылку, – а с новостями нынче затык. Про Варена небось уже слышали?

– Как же, как же, – в тон ему бросил Антуан. – Скажи-ка, Патрик, что за бродяга сидит в углу?

– Вы про Леона? Да бросьте, – кабатчик усмехнулся, – мы давно его знаем, он никого не трогает.

– Да ну? А деньги у него откуда?

– Помогал грузить мебель приезжим.

– Каким еще приезжим?

– Которые устроились на острове Дьявола. Скажите-ка, мсье Молине, вы сейчас тут по работе или как?

Кабатчик устремил на инспектора испытующий взгляд.

– Если мое начальство захочет, то придется вернуться на работу, – отозвался Антуан. – А пока я сам по себе.

– Значит, в случае чего к вам нельзя будет обратиться за помощью? – спросил кто-то из рыбаков.

– Да какая там помощь, – проворчал другой рыбак. – Пусть только этот Варен попробует к нам сунуться. Сами ему шею свернем.

– Он обычно по ночам нападал, – вмешался Антуан. – И только на тех, кто не мог дать ему отпор.

Посетители насупились, переваривая его слова.

– Я не хочу нагнетать обстановку, – продолжал инспектор, – но должен сказать вам, что, пока этого человека не найдут, никто не может считать себя в безопасности. Сейчас он может находиться где угодно: в Кемпере, на дороге в Брест, на каком-нибудь чердаке, в вагоне поезда... да где угодно. Но он опасен, безусловно опасен, и ни в коем случае нельзя его недооценивать. Так что, если кому-то из вас что-либо известно...

– Да что нам может быть известно? – буркнул кабатчик, пожимая своими гигантскими плечами. – Люди и так встревожены. Старухи достают ружья, из которых не стреляли со времен войны с синими⁵.

Кто-то невпопад хихикнул, и краем глаза Антуан заметил, что это был бродяга Леон.

– Что тут смешного? – рявкнул Менги.

– Да так, – ответил бродяга, ухмыляясь пьяной улыбкой. – Я же в одной камере с ним сидел.

После этих слов в набитом людьми заведении на несколько мгновений наступила неправдоподобная, пугающая тишина.

– Заливаешь! – недоверчиво выдохнул кто-то.

– В Кемпере, в предварительном заключении, – гнул свое пьянчужка. – Меня, значит, за бродяжничество сцапали, а его... ну... за отрезанную башку под кроватью.

– И что дальше? – напряженно спросил Менги.

– Винца бы мне еще, – жалобно протянул Леон. Антуан нахмурился.

– Ты все это только что выдумал, чтобы выпить лишнюю бутылку, – объявил инспектор во всеуслышание.

– Ты бы тоже запил, если бы оказался с таким в одной камере, – огрызнулся бродяга. – Я-то ничего не знал, мне только потом сказали, кто это был! Хорошенькое дело, а если бы он меня ночью удавил?

– Он что-нибудь рассказывал о себе? – с любопытством спросил один из рыбаков. – Хоть намеком?

– Ничего он не говорил, только один раз его прорвало, – с отвращением ответил бродяга. – Меня наутро перевели в другую камеру, а потом я слышал его крики из коридора. Надзиратели тащили его, а он не унимался... И орал, что убьет доктора Ривоаля, что все, все ему припомнит...

– Доктора? – Кабатчик аж подскочил на месте. – Это же... постойте... один из главных свидетелей обвинения!

– Да, доктор вспомнил, что видел Варена возле дома последней жертвы, – подтвердил Антуан. – Только все это глупости. Доктор живет в Кемпере, и полиция наверняка взяла его дом под охрану.

– Жить-то он живет, – хмыкнул бродяга, – только у его жены еще один дом – возле Дуарнене⁶. И доктор уехал туда сразу после окончания процесса... Ну что, будет мне вино или нет?

---

⁵ Имеется в виду гражданская война, в которой поддерживавшие короля Бретань и Вандея воевали в конце XVIII века против республиканских войск.

⁶ Небольшой город на побережье департамента Финистер, в двадцати пяти километрах от Кемпера.

Менги, колеблясь, переглянулся с Антуаном, и тот сделал утвердительный жест.

– Кругом одни умники, – вздохнул Леон, – за ружья хватаются, чуть что... тени своей боятся! Не волнуйтесь, он сюда не сунется. Здесь Варену делать нечего... В отличие от Дуарнене, хе-хе!

Антуан попросил еще порцию куантро и проглотил ее, не чувствуя вкуса. Жизнь начала обретать смысл, ведь сама судьба протягивала ему ниточку, которая, возможно, поможет инспектору поймать опасного преступника. Если считать, что Леон не солгал, то когда Варен угрожал убить доктора – еще до процесса? Полгода назад, стало быть? Возможно, Антуан преувеличивает дальновидность полиции, и местные чины не озаботились о том, чтобы обеспечить свидетелю охрану, – просто потому, что уже забыли прозвучавшие в его адрес угрозы, или потому, что отвлеклись на беглеца, которого рассчитывали схватить без промедления. Что касается Варена, то мог ли такой человек сбежать из-под ножа гильотины только для того, чтобы сразу же отправиться мстить? Интуиция говорила Антуану – он мог.

Если только Леон не солгал...

Антуан подсел к нему за стол и постарался задействовать все свое обаяние, предназначенное для таких случаев, которое включало: широкую глуповатую улыбку, простецкий вид и добродушно прищуренные глаза. Леон, однако, смотрел на него настороженно и придвинул поближе к себе бутылку, выцарапанную у кабатчика.

– Вам чего? – спросил бродяга.

– Поговорить, – беспечно уронил инспектор. – Правда, что у приезжего жена сумасшедшая?

– А, вот вы о ком! – протянул Леон. – Она не в себе, это точно. Молчала, молчала, потом увидела чаек и давай кричать: «Птички! Птички!» Насилу служанка ее успокоила.

– А почему муж ее в лечебницу не сдаст?

– Вы ее видели? – усмехнулся бродяга. – Думаю, нет, раз задаете такие вопросы.

– Что, дамочка ничего себе, да?

В ответ Леон скроил какую-то фантастическую гримасу и поцеловал кончики пальцев, давая понять, что мадам Фализ – чистый персик, пусть даже и не в своем уме.

– А ты, я вижу, глазастый, – заметил инспектор, буравя собеседника тяжелым взглядом. Лицо Антуана в этот момент никто бы уже не рискнул назвать добродушным или простецким. – Про доктора Ривоаля откуда узнал? Ну, что дом у него в Дуарнене, и прочее?

– Его служанка в Кемпере меня подкармливала иногда, – ответил бродяга, пожимая плечами. – Жена у доктора хорошенькая, но до той, которая сейчас на острове Дьявола, ей далеко. Однако Антуана не интересовала супруга доктора.

– А про Варена ты, конечно, выдумал, – хмыкнул инспектор. – Что он обещал мстить... и все такое прочее.

– Чего это я выдумал? – обиделся Леон. – Его вопли вся тюрьма слышала, не только я. Не верите – поезжайте в Кемпер, найдите надзирателей и спросите у них. Стал бы я выдумывать, очень оно мне надо...

И, услышав его интонацию, Антуан отбросил последние сомнения. Значит, Фредерик Варен обещал убить человека, чьи показания отправили его на гильотину, и человек этот в данный момент находился в совершенно определенном месте.

Но прежде всего Антуан был полицейским, и поэтому с тоном сомнения он протянул:

– Ну да, ну да. И в одной камере ты с ним сидел...

– Сидел, – подтвердил Леон, допивая вино. – Но я не знал, что это он. Иначе окочурился бы со страха.

– Скажи, а какое впечатление он на тебя произвел? Ну так, в общем.

– Он с виду мозгляк мозгляком, – сказал бродяга, подумав. – Никогда бы не подумал на него, что он – убийца. Шейка тоненькая, на мальчишку похож. И молчун. Я, помню,

его спросил, как он сюда попал, так он в ответ ни слова не произнес. Лег, одеялом накрылся и отвернулся к стенке. Утром, когда пришли надзиратели, он стал говорить, что произошла какая-то ошибка. – Бродяга усмехнулся. – Ну и рожи у них были, скажу я тебе! Как будто он сейчас их укусит. Интересно, думаю, что ж он такого натворил? Ну, потом мне и сказали, кто это был.

Глава 4

Старый друг

– Куда ты собрался, Антуан? Зачем Симон седлает тебе Гордеца?

– Ничего особенного, тетя, я просто хочу прогуляться.

– Прогуляться? Ты же терпеть не можешь ездить верхом. Антуан! Куда ты едешь?

В глазах тети застыла тревога. Черт возьми, она до сих пор беспокоится за него, как будто он маленький мальчик.

– В Дуарнене, – сказал Антуан в ответ на ее вопрос.

– Зачем? Что ты там забыл?

– Хочу повидать одного человечка. Дело есть.

– Антуан!

– Тетя, я вернусь вечером, обещаю тебе. Симон!

– Антуан, боже мой, что ты задумал? – Тут ее осенило. – Это как-то связано с тем бежавшим убийцей? Антуан, неужели ты не можешь хотя бы здесь... Хотя бы у меня дома...

«Забыть о своей работе», – мысленно закончил ее собеседник. Хотя на несколько дней перестать быть полицейским, не думать о преступниках, об убийствах... И даже не думать о Жераре Кервелла, который арестовал Варена и тем самым, как написали бы в старинном романе, «заложил фундамент своего благополучия».

Старик Симон подвел вороного коня, и Антуан с ловкостью, которой сам от себя не ожидал, вскочил в седло. Гордец мотнул головой, встряхнул гривой и затанцевал на месте.

– Не волнуйтесь, тетя... Обещаю вам, я не дам себя в обиду!

В кармане у всадника был заряженный револьвер, в другом кармане – пули про запас, так, на всякий случай, и удостоверение инспектора парижской полиции. Дав шпоры коню, Антуан поскакал со двора прочь.

– Уехал... – с каким-то горестным недоумением проговорила Мариэтта, глядя ему вслед. – Господи боже мой!

Вот так, запросто – сел в седло и поскакал куда-то очертя голову, в то время как по округе бродит опасный убийца. А если... Об этом даже думать не хочется, но что, если их дороги пересекутся? Что, что она будет делать, если Антуана не станет?

«Я повешусь, – обреченно подумала тетя Мариэтта, – повешусь в своей спальне».

Лицо у нее было такое, что Сюзанна, только что выбежавшая во двор, не рискнула обратиться к ней с расспросами, а вместо того подошла к Симону и вполголоса спросила у него, что такое задумал молодой хозяин.

– Сказал, дело у него срочное, и велел седлать Гордеца, – хладнокровно ответил старик и закурил длинную трубку.

– И что, это все? – насканивала на него Сюзанна, рассерженная его спокойствием.

– А больше он ничего и не сказал, – отозвался Симон, пуская клубы дыма.

...Антуан был готов к тому, что на дорогах его не раз и не два будут останавливать жандармы, будут проверять документы и расспрашивать, куда он едет. Однако деревеньки, мимо которых он проезжал, жили своей жизнью, жандарм Антуану попался только раз, да и тот никого не останавливал, а сидел в кафе, хмуро читая газету и шевеля усами. Поневоле Антуан начал закипать.

«Чертова глухомань! В Париже уже давно перегородили бы дороги, подняли на ноги всю полицию и, может быть, подключили бы даже военных... Неудивительно, что этот странствующий художник так долго ездил по Бретани и безнаказанно убивал людей, прежде чем его сцапал Жеже...»

Антуан заметил впереди, на перекрестке, двуколку, в которой не было никого, кроме кучера, и машинально придержал лошадь. Человек, сидящий в двуколке, поднял глаза.

– Антуан? – вырвалось у него.

Гордец недовольно мотнул головой. Сбавив ход, инспектор подъехал к двуколке.

– Жеже! Черт возьми...

Он соскочил с лошади, и старые друзья обнялись, причем Антуан в порыве энтузиазма стиснул Жерара Кервелла так крепко, что новоиспеченный комиссар даже поморщился.

– А ты совсем не изменился, Антуан...

«Зато ты изменился», – подумал инспектор, вглядываясь в своего приятеля. Спокойная работа и жизнь без особых, по-видимому, треволнений сделали свое дело: Жерар, которого Антуан помнил худым как щепка, раздался вширь, обзавелся каштановой бородкой, холеными усиками и тем особенным, прохладным взором, который отличает вполне довольных собой неглупых людей.

– Ну, комиссар, как дела? – шутливо спросил Антуан. – Куда собрался? Я хотел навестить тебя в Кемпере, как обещал, но, судя по тому, что у тебя творится...

– Приглашение в силе, ничего не изменилось, – ответил Жерар. – Я познакомлю тебя со своей женой, она просто прелесть... и жаждет узнать тебя поближе. Я прожужжал ей все уши, рассказывая, какой ты замечательный, – добавил он с улыбкой.

Антуан уехал из Кемпера, как только ему исполнился двадцать один год, и с тех пор старые друзья виделись только два или три раза; конечно, они были не прочь общаться почаще, но ведь жизнь не преминет внести свои изменения в самые лучшие планы. Женился Кервелла четыре года назад – он долго выжидал и присматривал себе невесту, которая подходила бы ему со всех точек зрения, не последней из которых было и солидное приданое. Антуан получил приглашение на свадьбу, но как раз в то время ему пришлось распутывать одно щекотливое и неприятное дельце, и он не смог отлучиться из Парижа.

– А ты еще не женат? – спросил Жерар, с любопытством глядя на старого приятеля.

– Нет.

– И не собираешься? – проницательно осведомился комиссар.

– Что за допрос! – Антуан сделал вид, что обиделся.

– Нет, я просто удивляюсь, – отозвался его собеседник. – Ты же всегда больше нравился женщинам, чем я.

В его тоне прозвучала какая-то нотка, которая интуитивно не понравилась инспектору. «Полно, – мысленно отмахнулся он, – ведь не завидует же мне Жерар, в самом деле?»

– Ну вот и ответ на твой вопрос, почему я не женюсь, – усмехнулся Антуан.

– Спасибо за чистосердечное признание, – хмыкнул его приятель, блеснув глазами. – Тогда я, пожалуй, прослежу за тем, чтобы не оставлять мою жену с тобой наедине...

Оба расхохотались.

– Жерар, как ты мог подумать! Ну ей-богу, такого я от тебя не ждал... Я тебя не задерживаю, надеюсь? – спохватился Антуан.

– Вовсе нет. Я тут собираюсь навестить одного свидетеля...

– Уж не доктора ли Ривоаля слушаем?

Жерар распрямился и метнул на Антуана недоверчивый взгляд.

– А ты откуда знаешь?

– У меня есть сведения, что Варен угрожал с ним расправиться.

– Да? Какие еще сведения у тебя есть?

– Что доктор сейчас находится в своем доме, то есть доме своей жены, на побережье.

– Все так и есть, – вздохнул комиссар. – Как только стало известно о бегстве Варена, я послал доктору телеграмму.

– Его взяли под охрану? – быстро спросил Антуан.

– Сразу же видно, что ты из Парижа, – усмехнулся Жерар. – У нас не принято приставлять к свидетелям охрану – даже в таком исключительном случае. Кроме того, ночью я не спал, ломал себе голову и придумал кое-что получше. Даже хорошо, что так получилось, потому что охрана бы только повредила.

Антуан прищурился.

– Постой... Ты собираешься устроить в доме доктора засаду?

– Похоже, мы мыслим одинаково, – заметил Жерар. – Поэтому я сейчас еду к доктору – обговорить все детали. А ты зачем хотел его видеть?

– Предупредить насчет Варена.

– Думаешь, доктор не читает газет? Даже если бы я не послал ему телеграмму...

– Я ничего не думал, просто решил съездить и посмотреть сам, что да как. Мне не нравится мысль, что тип, который режет женщин на куски, может оказаться недалеко от дома моей тетки.

– Ты о Мариэтте? Кстати, как она поживает?

– Хорошо. Но если бы она могла пришить меня к своей юбке, то выбрала бы булавку покрепче.

– Женщины! – вздохнул Жерар, перекладывая вожжи поудобнее. – Ну что, едем?

Антуан сел на коня, комиссар хлестнул свою лошадь, и менее чем через час полицейские уже были в Дуарнене. Выкрашенный в желтоватый цвет дом доктора стоял на отшибе, и инспектор поглядел на него с неодобрением.

«Если бы Варену вздумалось забраться сюда и всех перерезать, он мог бы незаметно сделать свое дело и уйти...»

Жерар уже стоял на крыльце и стучал в дверь. Никто не отзывался.

– Наверное, они уехали в Кемпер, – сказал комиссар. – Вот черт побери!

Он постучал еще раз, сильнее, и Антуан заметил, что дверь чуть-чуть приотворилась.

– Дверь не заперта, – негромко сказал он, вынимая револьвер. – Потяни ее на себя, она должна открыться.

С изумлением поглядев на него, Жерар потянул за ручку, дверь и в самом деле распахнулась, издав неприятный скрежет.

– Мсье Ривоаль! – закричал Антуан, напряженно прислушиваясь. – Доктор! Есть тут кто-нибудь?

Он был готов услышать топот ног, какой-нибудь шум, подозрительный шорох – но в доме царила тишина.

– Ты взял с собой оружие? – быстро спросил Антуан, поворачиваясь к приятелю.

Тот побагровел и отрицательно покачал головой.

«Эх, провинция, провинция, – сердито подумал инспектор, сжимая револьвер, – люди так привыкли к тому, что тут ничего не происходит, что совершенно утратили чувство опасности».

– Может быть, они просто уехали в Кемпер... – пробормотал комиссар, чтобы хоть как-то оправдаться.

– Они?

– Доктор и его жена.

– Ага, а дверь просто забыли запереть?

– Ты у меня спрашиваешь? – рассердился Жерар. – Говорю же тебе: я послал ему телеграмму! Может, он так испугался, что просто удрал, бросив все?

– Держись сзади, – вместо ответа велел ему Антуан. – И поверь, я всей душой желаю, чтобы все оказалось именно так, как ты сказал.

Но его желаниям не суждено было сбыться – в первой же комнате, в которую зашли полицейские, на полу обнаружился труп мужчины лет тридцати, скорчившийся в луже крови.

– О господи! – ахнул Жерар. – Доктор!

На лице Кервелла читались растерянность и ужас, – а Антуан странным образом испытывал чувство, которое не имело никакого отношения к случившемуся; и чувство это было не то чтобы торжеством, но – будем честны – удовлетворением. Тоже мне, комиссар, без пяти минут кавалер ордена Почетного легиона... Лопух, как есть лопух! Телеграмму он, видите ли, послал... когда надо было посылать людей и засаду устраивать сразу же, а не ждать, надеясь непонятно на что...

Осел!

– Многочисленные ножевые ранения, – сказал Антуан сквозь зубы, подойдя ближе к трупу и осторожно потрогав его. – Варен в своем репертуаре... Сколько именно ударов он нанес, скажет врач после вскрытия. Тело еще теплое, кровь не засохла... Убийца был тут совсем недавно.

– Зеркало, – сдавленно прошептал Жерар. С каждым мгновением он выглядел все более и более жалко.

– Я видел, – кивнул инспектор.

На большом красивом зеркале в великолепной позолоченной раме, которое явно считалось украшением гостиной, кто-то старательно вывел кровью одно только слово:

МЕСТЬ

Больше ничего.

– Ты слышишь? – внезапно спросил Антуан, поднимая свободную руку, в правой он до сих пор держал револьвер.

– Я ничего не слышу, – пробормотал Жерар.

Но инспектор уже уловил какой-то странный звук, похожий на хрип, уже различил едва заметные пятна крови на красном ковре возле дивана и бросился туда.

– О господи!

Она лежала за диваном – молодая женщина в кокетливом светлом платье, измазанном кровью; она, очевидно, пыталась спрятаться, отползла сюда, получив первые ранения, но убийца настиг ее и продолжал наносить удары ножом, пока она не упала, и тогда, очевидно, он оставил ее, решив, что она мертва... Но она была еще жива, хотя опыт подсказывал Антуану, это ненадолго. В глазах ее, обращенных на инспектора, застыла нечеловеческая, не поддающаяся описанию тоска.

– Сударыня!

Он бросился к ней. (Что делать? Как быть? О чем говорить? Услышит ли она его вообще?) Ее нижняя губа мелко задрожала.

– Мадам, мы из полиции, мы постараемся вам помочь... Жерар, скорее! Зови сюда врача, полицейских... Живо!

Что-то заклекотало у женщины в горле.

– Он... – прошептала она, приподняв голову и из последних сил указывая на зловещую надпись.

– Он убил вас?

– Да, – почти беззвучно ответила она.

Рука упала на ковер, взгляд застыл. Антуан взвыл от ярости, от бессилия, от отчаяния. Он трогал запястья жертвы, пытаясь нащупать пульс, но все было бесполезно. Жена доктора Ривоаля покинула этот мир.

– Клянусь честью, я убью этого мерзавца! – вне себя выкрикнул инспектор посреди града ругательств.

Тут он услышал, как всхлипывает Жерар, без сил опустившийся на первый попавшийся стул.

– О господи! – протяжно простонал новоиспеченный комиссар, раскачиваясь всем телом. – Господи...

Антуан так изумился, что даже его ярость куда-то отступила.

– Какого черта? Жерар! Слезами ей уже не помочь... Она умерла, ясно тебе?

«Все из-за того, что ты, болван, послал для проформы телеграмму, но больше не предпринял никаких действий...»

Но этого он вслух говорить не стал – хоть и подумал. Ни к чему сейчас добивать старого приятеля, когда тот и так совершенно раздавлен.

– Как это все ужасно... – проскулил Жерар, вынимая платок. – Понимаешь, я ведь не хотел ничего такого... Я хотел быть рантье... Уважаемым человеком... Чтобы жена была симпатичная и хорошо одета... дети здоровые... и сад... Я бы выращивал розы...

Он явно нес какую-то чепуху, но Антуан не мешал ему выговориться. Инспектор терпеливо ждал.

– Как же она выжила? – спросил комиссар, утирая лицо платком и с недоумением косясь на мертвую женщину. – Ведь ее же кромсали, как... как... – Его передернуло, он не договорил.

– На ней был корсет, – напомнил Антуан. – Несколько ударов пришлось в него. Если бы не удары в живот и печень, которые ничем не защищены, она, может быть, даже сумела бы убежать...

Жерар поднялся с места, пряча платок. Его зашатало, но он с усилием овладел собой и распрямился.

– Я пойду... А может, лучше ты? Что-то мне того... не очень...

– Я здесь лицо неофициальное, – напомнил Антуан. – Лучше, если ты вызовешь полицию. И потом, на свежем воздухе тебе станет лучше...

– Да, да, – пробормотал Жерар и побрел к двери. Плечи его ссутулились, словно он разом постарел на много лет.

Оставшись один, Антуан осмотрел другие комнаты. Он не исключал того, что где-нибудь отыщутся и трупы прислуги, но никого больше не обнаружил. Зато в спальне доктора нашлись распечатанная телеграмма, посланная Жераром, и короткая записка с орфографической ошибкой, уведомлявшая о том, что горничная, лакей и кухарка решили уйти «в связи с новыми обстоятельствами» и покорно просят дать им расчет.

«Ясно, что это за *обстоятельства*, – подумал инспектор. – Прислуга узнала о том, что Варен бежал, и перепугалась до смерти. Как оказалось, не зря...»

Он услышал стук во входную дверь и, невольно насторожившись, спустился вниз. На крыльце стояла надменного вида немолодая дама в шляпке с задорно торчащим пером.

– Чем могу служить, сударыня? – спросил Антуан.

– Я мать вашей хозяйки, госпожи Ривоаль, – сухо промолвила дама. – Будьте любезны, доложите дочери о моем приезде.

– Боюсь, это невозможно, – сказал Антуан. Он был злопамятен и обидчив, но заранее прощал гостью и ее надменный тон, и высокомерный взгляд, которым она смерила его с головы до ног, прощал, отлично зная, что через несколько минут ничего от них не останется, все поглотит страшное горе, которое могут испытывать только родители, теряющие своих детей. – Кроме того, я не слуга, а полицейский.

Но тут, избавив его от дальнейших объяснений, появились Жерар Кервелла и местные служители закона, и Антуан уступил комиссару, как старшему по званию, право объяснить теще доктора печальное положение вещей.

Глава 5

Подробности

В кресле с полосатой обивкой сидит и захлебывается слезами старая женщина. Ее шляпка с нелепо торчащим пером валяется на столе, но даже перо, кажется, поникло от горя.

В соседней комнате врач, вызванный из города, осматривает трупы. Там же и подчиненные господина Деррьена, представителя местной полиции. Поль Деррьен молод и, кажется, неглуп, но случившееся все же выбило его из колеи. По каждому поводу он приходит советоваться с Жераром и особенно – с Антуаном, словно молчаливо признавая за приезжим из Парижа больше права решать, что именно следует делать в настоящее время.

– Перекрывать все дороги... Досматривать путешествующих... вокзалы, порты... – перечисляет Антуан. – Подключить к поискам армию... Задержать всех бродяг, всех странствующих нищих – это и в их интересах тоже, так как Варен легко может убить кого-нибудь из бродяг, чтобы переодеться в их лохмотья... Оповестить пастухов, которые пасут стада в отдаленных местах, – это тоже легкие жертвы для убийцы, особенно сейчас, когда он ни перед чем не останавливается... Расклеить на каждом углу не только словесное описание преступника, но и его портрет...

Мсье Деррьен благоговейно кивает, но в уме, конечно же, делит все на десять. Подключить военных не получится – слишком много бюрократических процедур надо для этого пройти. Впрочем, в частном порядке можно попытаться договориться о помощи местного гарнизона. Насчет бродяг – здравое соображение, но если всех задерживать, попросту может не хватить места в каталажках. Портреты на каждом столбе – вроде бы правильно, но на практике неосуществимо. Печать объявлений стоит денег, и вполне достаточно расклеить несколько штук в местах скопления людей. Слухи-то все равно уже разошлись по всему Финистеру... А уж о том, чтобы поставить в известность каждого пастуха, и речи быть не может. У полиции и так хватает хлопот.

– Также следует объявить награду тому, кто поймает Варена живым...

Опять парижские мечты. На какие шиши объявлять награду, спрашивается? Хотя инспектор Молине мыслит в целом правильно, и мсье Деррьен на всякий случай заносит его предложение в свою серую книжечку, в которой он также записывает, когда надо отвечать на письма, и свои собственные мелкие расходы.

– Живым или мертвым, – подает голос мрачный Жерар.

Он сидит на диване и обмахивается шляпой, не глядя на плачущую тещу убитого. Антуан и Деррьен стоят у окна.

– Только живым, – твердо говорит Антуан. – Не забывайте, что у страха глаза велики. Нельзя, чтобы по ошибке пострадал какой-нибудь посторонний человек, которого могут принять за Варена...

Мсье Деррьен одобрительно кивает. Парижанин прав: целесообразность превыше всего.

– И подумать только, что если бы не я... – рыдает теща Ривоалья. – Они были бы уже в Кемпере... Ничего бы с ними не случилось...

Антуан хмурится и молчит. Вчера, как только стало известно о бегстве Варена, слуги доктора объявили, что не могут тут оставаться, и удрали, напоследок попросив расчет. Доктор Ривоаль и его жена могли бы сразу же после этого вернуться в Кемпер, но сегодня они ждали к себе в гости тещу и потому задержались. В том, что произошло несколько часов назад, до сих пор разбираются полицейские.

– Окно на первом этаже было открыто, земля под ним истоптана, – говорит Деррьен. – Судя по всему, именно таким образом Варен забрался в дом. Он убил доктора, на крики, вероятно, прибежала мадам Ривоаль, он набросился на нее тоже...

Мать убитой заходится в громком плаче, и Деррьен смущенно умолкает.

– Орудие убийства?

– Нож, который он взял на кухне. Мы нашли его в саду.

– А что с одеждой? – внезапно спрашивает Антуан.

– С одеждой? – озадаченно переспрашивает Деррьен.

– Если он убил двух человек таким образом, – поясняет Антуан, – он должен быть весь в их крови. Варен же не самоубийца, выходить наружу в таком виде... Он должен был переодеться перед тем, как покинуть место преступления. И возможно, также переобуться... Завладеть деньгами, которые нашел в доме...

Мсье Деррьен смотрит на своего коллегу с восхищением. И хотя Антуану совсем не до того, в глубине души он чувствует себя немного польщенным.

– Я уже послал за слугами, – негромко говорит мсье Деррьен. – Я расспрошу их на предмет того, что из одежды доктора пропало. По поводу денег тоже.

Антуан поворачивается к пожилой женщине, сидящей в кресле. Странно, но сейчас, комкая в руке платок, она смотрит на него почти с надеждой. Так, как будто, если благодаря его указаниям схватят Варена, это каким-то образом поможет воскресить убитых зятя и дочь...

– Может быть, мадам Бувье в курсе того, какая одежда была у доктора? Или вы знаете, где он держал деньги? Конечно, мы не настаиваем, понимая ваше состояние, сударыня; но...

Но она согласна сделать что угодно, лишь бы помочь следствию. Она встает с кресла и, не замечая Деррьена, который хочет подставить ей руку, подходит к Антуану.

– Я верю, что вы найдете его... Я...

Антуан, отлично понимая, что нужно сейчас сказать, говорит именно эти слова – спокойно, убедительно и веско.

– Мы поймаем его, сударыня.

– Поймаем и отрубим голову, – подает голос Жерар.

Мадам Бувье и Деррьен скрываются за дверью, и Жерар, положив шляпу, которую он до сих пор держал в руке, тяжело откидывается на спинку дивана.

– Н-да... – задумчиво произнес он. – Ты знаешь, на меня этот Деррьен произвел впечатление толкового малого. Сразу же, выслушав нас, распорядился собрать всех, кого только можно, и искать Варена в окрестностях... – Он встряхнулся. – Чем черт не шутит, может, они сейчас его схватят? Он же опередил нас совсем ненадолго...

– Деррьен – политикан, – с отвращением произносит Антуан. – Уверен, Варен уже далеко. И меня очень удивит, если местная полиция сумеет его поймать.

– Ты совсем в нас не веришь, – замечает Жерар с подобием улыбки.

«Ну да, поверишь тут, когда твоя же собственная ошибка, дорогой комиссар, стоила жизни доктору и его жене». Но Антуан слишком ценит старую дружбу, чтобы сказать это вслух.

– Я тут вот что подумал, – переводит он разговор на другую тему. – Если Варену так приспичило мстить, кого еще он пожелал бы убить, кроме доктора?

– Кого еще? – хмыкает Жерар. – Дружище, ну ты даешь... Меня, конечно. Ведь это я его арестовал.

– Если не секрет, как тебе это удалось?

– Секрет, – усмехается Жерар. – Но тебе я признаюсь, честно. Мне просто в некоторой мере повезло. Ключевое слово тут – в некоторой мере, заметь... Я много думал над этими убийствами... Собрал факты, выстроил последовательность, как они все происходили. Ты ведь знаешь, что Фредерик Варен выискивал одиноких женщин... в разных местах... Я задал себе вопрос: какой человек может ездить повсюду и не привлекать к себе внимания? Поначалу я думал, что это может быть бродяга, или коммивояжер, или странствующий циркач... На Варена я вышел не сразу. У меня на примете сначала было несколько подозрительных бродяг... пара циркачей... Но всякий раз хоть что-то, да не сходилось. Только потом я вспомнил,

что есть еще странствующие художники. Первое убийство произошло в Нормандии, в Трувиле... Я стал наводить справки и узнал, что Варен находился неподалеку в это время. Тогда я принялся проверять, а не был ли он поблизости в случаях с другими убийствами, и все сошлось. Тут произошло новое исчезновение женщины, прямо в Кемпере... Нашли ее труп без головы. Я сразу же к Варену... а голова-то как раз была у него под кроватью... Вот так я его и схватил. Он, по-моему, ошалел от собственной безнаказанности. Ведь до тех пор на него никто даже и не думал... Потом уже, на процессе было доказано, что он знал как минимум двух убитых девушек... Оказывал им знаки внимания, понимаешь? Конечно, он все отрицал и настаивал на том, что это обычное совпадение, но мы-то с тобой профессионалы и понимаем, что таких совпадений не бывает в принципе.

– Он хоть сказал тебе, зачем убивал этих несчастных? – мрачно спросил Антуан.

– Нет, он все упорно отрицал. Ты знаешь, что Варен пытался выучиться на врача, но после первого же учебного вскрытия свалился с нервным срывом? Он не смог окончить курс и какое-то время перебивался случайными заработками. Мне он сказал, что с детства мечтал стать художником. Само собой, то, что он рисовал, никому не было нужно. Он расписывал веера, тарелки, пытался позировать другим художникам, в том числе старику Бревалю, который согласился взять его к себе в ученики и, по-моему, даже нашел у него какой-то талант...

– О Бревале я слышал. Он ведь портретист?

– Ну, о Бревале, по-моему, все слышали, – отозвался Жерар. – Он очень знаменит, и даже я знаю, что его картины выставляют на каждом Салоне⁷. Когда стало известно, кто задержан за все эти убийства, от Бреваля приехал адвокат и дал мне понять, что старик не верит в виновность Фредерика Варена. Они-де какое-то время назад поссорились, но мсье Бреваль точно знает, что Фредерик неспособен на те мерзости, которые ему приписывают.

– А ты?

– А что я? – пожал плечами комиссар. – Я просто достал один из альбомов Варена и показал адвокату, в каком виде тот изображал своего якобы друга. И в гробу его нарисовал, и какие-то немыслимые карикатуры там были. Что?

– В смысле?

– Да ты как-то странно улыбнулся сейчас. В чем дело?

– Да так, – хмыкнул Антуан. – Жена Бреваля уже давно с ним не живет, и нам в полиции известно, почему они разъехались. Просто старик слишком увлекался оргиями.

– Ну я так и подумал, когда увидел некоторые карикатуры, – признался Жерар. – Жаль, ты не видел, как забегали глаза у адвоката, когда я предъявил ему эти картинки.

– То есть Бреваль оставил мысль защищать Варена после того, как ты разъяснил адвокату, что на процессе прокурор вывернет старика наизнанку?

– Угу, представь себе, какой был бы урон для репутации Бреваля, если бы все его грешки вылезли наружу. Поэтому он не стал долго раздумывать и решил, что собственное спокойствие дороже.

– По-моему, даже если бы Варена защищал лучший адвокат Франции, ему не за что было бы зацепиться. Единственное, он мог бы затянуть процесс и использовать связи Бреваля, чтобы добиться помилования от президента.

– Антуан, мы же с тобой не первый день в профессии. Ты отлично понимаешь, что, даже когда убийцу берут с поличным, чертов адвокат все равно будет цепляться к каждой мелочи, чтобы попытаться отмазать своего подзащитного. Я взял Варена на последнем убийстве, предыдущие случились за месяцы до того, и следствие там велось довольно небрежно.

---

⁷ Ежегодная выставка в Париже, которой современники придавали огромное значение. Сейчас подавляющее большинство живописцев, сделавших себе имя на Салонах, прочно забыто.

Он, знаешь ли, умело выбирал жертв – убивал проституток, нищенок, тех, на кого обществу обычно наплевать. Ну и кое-кому из свидетелей он вообще внушал симпатию, что есть, то есть.

– Кстати о свидетелях: второе убийство произошло в Руане, и Варен настаивал на том, что у него есть алиби на тот вечер. Он врал?

– Да, он будто бы был у женщины. Мадемуазель Кристина Пуарье, работала у модистки. Он подарил ей какие-то свои картинки и вид Руанского собора, а еще нарисовал ее портрет. Представляешь, после того как стало известно, что он убийца, какие-то коллекционеры заплатили ей за все это бешеные деньги, она смогла перебраться в Париж и открыть там свою шляпную мастерскую. Здорово, правда?

– Ну, – протянул Антуан, – при желании можно назвать это везением. Но еще больше ей повезло, что он ее не убил. Она подтвердила его алиби? Насколько я помню, защита очень надеялась на этот пункт.

– Она путалась в показаниях и в конце концов заявила, что все это было давно, и она не может точно сказать, был он с ней в тот день или не был, – холодно промолвил Жерар. – Когда Варен услышал это, он упал в обморок. По-моему, он до последнего надеялся, что его вина не будет доказана.

– С отрезанной головой под кроватью и свидетельством доктора Ривоаля, который видел его возле дома последней жертвы? Что-то я сомневаюсь. Скажи, а Варен не угрожал свидетельнице, что сведет с ней счеты?

– Лично я ничего такого не помню, а что? Думаешь, он направится в Париж, чтобы прикончить ее, так же как доктора?

– Я бы на всякий случай послал телеграмму, чтобы за ней проследили, – заметил Антуан. – Мало ли что... И еще я попросил бы организовать наружную слежку за Лораном Бревалем. Вдруг Варен обратится к нему за помощью? Кстати, а родственники у него есть?

– У Варена? Он незаконнорожденный. Мать – служанка, умерла, когда ему было двадцать один. Сама мать из приюта, подкидыш. Так что, к счастью, у него никого нет... А то неизвестно, что ему вздумалось бы сделать со своими родными.

– Мудрое соображение, – усмехнулся Антуан. – Что ж, если ему некуда идти и обратиться тоже не к кому, неудивительно, что он решил свести счеты перед тем, как его снова схватят. Знаешь что, pošлю-ка я сам телеграмму коллегам в Париж насчет этой Кристины Пуарье. Она ведь вполне может быть следующей жертвой – если этот подонок сумеет добраться до Парижа.

– Думаешь, он направится именно туда?

– Я ничего не думаю, Жерар. Просто я не хочу увидеть Крестину Пуарье в таком же виде, как и жену доктора. И я бы очень попросил тебя быть поосторожнее. Если хочешь, я могу тебя сопровождать. В конце концов, пока я в отпуске...

– Я очень тебе благодарен за предложение, – серьезно сказал Жерар, – но я никого не боюсь. Один раз я уже взял этого мерзавца, даст бог, арестую и во второй.

– Но у тебя при себе даже оружия нет!

– Попрошу у Деррьена. Нет, Антуан, я понимаю, что ты беспокоишься за меня, но, честное слово, ни к чему. Кстати, мое приглашение до сих пор в силе, так что я очень рассчитываю видеть тебя у нас с женой в воскресенье. – Он улыбнулся. – Кто знает, может, к тому моменту Варена уже схватят и отрубят ему голову.

– Главное, чтобы поблизости в этот момент не было деревьев, – заметил Антуан, блеснув глазами. – А то мало ли что...

– Что-то мне подсказывает, что на этот раз все деревья поблизости срубят под корень, – в тон ему ответил Жерар, поднимаясь с места. – Слышишь шаги? Деррьен уже сюда возвращается. Интересно, удалось ему обнаружить что-нибудь новое?

Глава 6

Остров Дьявола

На следующее утро тетушка Мариэтта поднялась ни свет ни заря. Петух на птичьем дворе еще только готовился закукарекать во все горло, а хозяйка дома уже была на ногах.

По правде говоря, ночью Мариэтта почти не сомкнула глаз, потому что обожаемый племянник вернулся накануне вечером мрачный как туча и с ходу выложил все – и про убитого доктора с женой, и про Варена, которого так и не удалось обнаружить, и про зловещую надпись кровью жертв на зеркале.

– Из дома при этом ничего не взял – ни денег, ни одежды, – добавил Антуан, хмурясь.

– Что это значит? – спросила тетка.

– Это значит, что я никчемный полицейский, – дернул ртом ее собеседник. – Мы с Жераром спугнули его, он даже не успел переодеться и захватить деньги. Если бы я вместо того, чтобы ходить там по комнатам, сразу же кинулся бы его искать...

– Тебе не в чем себя упрекнуть, – твердо промолвила Мариэтта. – Это вообще не твое дело.

– Тетя!

– Да, не твое. Этот пройдоха Кервелла поймал его, а потом упустил. Пусть он и ищет, и нечего тебя сюда приплетать...

– Жерар его не упускал. Кто же знал, что дерево упадет на месте казни...

– А это уже детали, что и куда упало, – отмахнулась тетушка. – Важно, что ты, Антуан, не имеешь к случившемуся никакого отношения. Жерара назначили комиссаром? Назначили. Орден собирались ему вручить? Собирались. Вот пусть он и отрабатывает оказанное ему доверие...

Антуан недовольно покачал головой.

– Ты никогда его не любила.

– Да, не любила, – отрезала Мариэтта. – Потому что он всегда норовил тебя использовать и ничего не сделать взамен.

– Тетя!

– Списывал у тебя уроки, – наябедничала злопамятная тетка, – брал книжки и не возвращал, а когда вы участвовали в драках, наказывали всегда тебя, а для Жерара почему-то всегда находили оправдание. – Тут она выложила свой последний козырь: – Ты знаешь, что он женился на кривобокой дочке Моро, ростовщика? А ведь она к тому же на пять лет его старше...

– На два.

– На пять! – сверкнула глазами Мариэтта. – А ты знаешь, что он содержит любовницу?

Тут Антуан почувствовал, что он может говорить о Жераре все, что угодно, – охваченная неприязнью тетка просто не станет воспринимать его слова. «Не надо было даже намекать ей, что я завидую его назначению, – мелькнуло в голове у Антуана. – Ведь она всегда принимает близко к сердцу все, что меня касается. И она совсем не знает Жерара... совсем».

Поэтому он предпочел замкнуться в молчании, а за ужином говорил только на нейтральные темы – о погоде и о еде.

И теперь, сидя в старом кресле и кутаясь в шаль под внимательным взглядом старого кота, жившего в доме, Мариэтта думала о том, что жизнь несправедлива. Совсем недавно Антуана чуть не убили, и стоило ему только-только поправиться, как явился этот чертов Жеже и притащил с собой воз проблем, разгребать которые он наверняка заставит ее племянника.

– Воз проблем! – повторила Мариэтта вслух.

Кот прижал уши и на мгновение зажмурился. Тетка неодобрительно покосилась на него.

– А тебе бы не отлынивать, а мышей ловить, вот что! – объявила она сердито. Но кот только свернулся клубочком и сделал вид, что спит.

...Спустившись к завтраку, Антуан первым делом спросил, есть ли новости о Варене.

– Ничего, кроме того, что ты уже рассказал вчера, – был ответ тетки.

Хмурясь, Антуан взял привезенную почтальоном газету, на первой странице которой красовался заголовок «Бретонский демон убивает снова», прочитал статью, до отказа набитую журналистскими штампами («кровавое убийство», «страшное преступление» и прочее в том же роде), и с раздражением отбросил ее.

– Какие у тебя планы на завтра? – спросила Мариэтта.

По тону тетки Антуан понял, что она надеется на то, что он передумает.

– Я уже говорил: завтра поеду навестить Жерара в Кемпер.

– А на сегодня?

– Не знаю.

Прежде чем продолжить, Мариэтта помедлила.

– Мне бы не хотелось оставаться тут одной, пока... Пока Варен бродит на свободе.

Она сознавала, что идет на нечестный прием, но ничего не могла с собой поделать. В доме было четверо слуг, не считая хозяйки, и в случае чего они всегда могли бы дать отпор, но вовсе не о слугах думала Мариэтта в этот момент.

– Ты можешь не беспокоиться, – ответил Антуан, – я здесь.

По его улыбке она поняла: он разгадал ее хитрость, но также поняла, что Антуан не сердится, и приободрилась.

– Я велела Симону вычистить ружья и следить в оба. У нашего пастуха тоже есть ружье. Кроме того, у него собаки, которые в случае чего за него заступятся.

– Не думаю, что мы рискуем увидеть поблизости Варена – ему тут нечего делать, – проворчал Антуан. – Люди, с которыми он хотел бы свести счеты, находятся далеко от нас. Но ты права: лучше быть готовыми ко всему.

Он умолк, глядя в окно. Его замкнутый вид встревожил тетку.

«Что он опять затевает?» – подумала она с беспокойством.

– Антуан?

– А?

– Кофе остыл. Налить новый?

– Нет. – Он нахмурился. – Просто я никак не могу понять.

– Что именно?

– Остров Дьявола.

– Что – остров Дьявола?

– Сам не знаю. Но я с утра о нем думаю.

– Тебе не нравится, что там сумасшедшие?

– Не сумасшедшие, а сумасшедшая.

– И что?

– Да так. – Антуан неопределенно повел плечами. – Скажи, ты бы повезла на остров Дьявола человека, которого любишь?

– Я бы прежде всего не стала связываться с сумасшедшим, – твердо промолвила тетя Мариэтта.

– Ну а если допустить, что человек поначалу казался нормальным, а потом...

– Как Фредерик Варен?

Сравнение неприятно поразило Антуана, он и сам не мог сказать почему. Точнее, мог, но не хотел себе в этом признаваться. Две недели назад странные приезжие снимают дом на ост-

рове, на котором никто не живет, а через некоторое время человек, кого газеты называли «бретонским демоном», бежит с эшафота. Совпадение? Или нет?

Но какое отношение мсье Фализ мог иметь к безумному художнику? И вообще, когда чужаки устраивались на острове и перевозили туда свои вещи, Варен за много километров отсюда был занят тем, что выслеживал и убивал несчастного доктора...

Доктора.

Именно так: доктор. Черт возьми, как же он сразу не сообразил?

– Скажи, где сейчас может быть папаша Руайер? – спросил Антуан.

– Зачем он тебе?

– Хочу, чтобы он отвез меня на остров, и заодно поговорю с ним о приезжих. Они ведь покупали у него лодку.

– А что не так с приезжими?

– Не знаю, просто странно, что мсье Фализ привез больную жену, прислугу и даже обстановку, а доктора с собой захватить не удосужился. Ведь, насколько я понимаю, при такого рода болезнях нужен постоянный уход.

Мариэтта вздохнула.

– Может, переезд влетел ему в копеечку, и на доктора уже не хватило денег. А может, он просто надеется, что его чокнутая жена сама свалится со скалы, и он станет ее наследником? Мало ли что может приключиться на этом проклятом острове...

– Вот я и собираюсь съездить туда и посмотреть, что да как, – сказал Антуан. – Вдруг он действительно рассчитывает уморить свою жену – место-то безлюдное, и свидетелей не будет, кроме тех, кого он с собой привез.

Тетка не возражала. С ее точки зрения, поездка на остров Дьявола была намного лучше погони за опасным убийцей, хотя Мариэтту, конечно, больше бы устроило, если бы племянник сидел дома или на крайний случай отправился бы просто порыбачить.

Папашу Руайера Антуан нашел возле лодок на берегу. День был холодный, но ясный, и над волнами с криками носились чайки. Инспектор поздоровался по-бретонски и закурил сигарету. Руайер внимательно оглядел его из-под лохматых бровей и, незаметно улыбнувшись в бороду, стал дымить трубкой. Он был невысокий, но плечистый, умел гнуть подковы одной рукой, а также гадать, какой день будет удачным для ловли рыбы, а когда лучше вообще не выходить в море. Руайер с инспектором потолковали о здоровье родственников, о бегстве Варена, о беспомощности властей, и Антуан решил, что пора переходить к главному.

– Слышал, вы продали лодку людям, которые поселились на острове, – сказал он. Старик усмехнулся и сплюнул себе под ноги.

– Продал, только управляться с ней они не мастера. Грести не умеют, течений не знают. Вещи перевезти – тоже проблема. Позавчера ребята умаялись их скарб таскать...

– Значит, мсье Фализ – богатый человек?

– Он-то? Деньги у него водятся, что есть, то есть.

– Не знаете случаев, чем он занимается?

– Он рантье, получил наследство от родителей. Ему и не надо ничем заниматься.

– Да? А про остров он откуда узнал?

– Прочитал объявление насчет дома в газете.

Ну вот, нате вам. Подозреваешь людей, перебираешь версии, а все оказывается до того тривиально, что даже челюсти сводит от скуки.

– А его жена? Вы ее видели?

– Видел, конечно. Я же их всех на остров отвозил.

– И как вам мадам Фализ?

Старик нахмурился.

– Я на нее не очень-то смотрел.

– Почему?

– Да так. Однажды мой дед увидел русалку и с той поры потерял покой. А потом он ушел пешком в море и утонул.

– Думаете, у мадам Фализ есть плавники и хвост?

– Вы, парижане, в такие вещи не верите, – сдержанно ответил рыбак. – Но она русалка, это точно. Я в таких вещах разбираюсь. Может, она и не плавает по волнам, но что русалка – это точно.

– А она действительно не в себе?

– Русалка не может быть как все, – твердо промолвил старик.

– Возможно. А о слугах вы что можете сказать?

– Сухопутные они, – презрительно ответил Руайер. – На море им нечего делать.

«Да, многого от тебя не добьешься», – подумал Антуан и решил зайти с другой стороны.

– Вещей-то они много с собой взяли?

– Порядочно. Они ведь собираются долго на острове прожить. Этот Фализ еще жаловался, что владелец дома его уверял, будто вся мебель в порядке, а потом выяснилось, что половина ее никуда не годится. Пришлось кое-какую мебель докупать и везти сюда, а это дополнительные расходы.

Получалось, что версия тети Мариэтты рассыпалась в прах. Если бы Фализ отправил свою жену на остров для того, чтобы ее прикончить, он вряд ли стал бы тратить на мебель.

Или стал бы? В конце концов, никогда не следует строить умозаключений, не зная человека, с которым имеешь дело.

– Мне надо на остров, – сказал Антуан.

– Забесплатно я не перевожу, – хладнокровно промолвил старик.

– А я и не говорил, что не заплачу, – парировал инспектор. – Мне нужно, чтобы меня отвезли на остров, подождали, пока я поговорю с хозяевами, и доставили обратно.

– Ждать будет дороже, – проворчал старик.

– Согласен.

Руайер смерил его взглядом и, видя, что Антуан настроен серьезно, отправился искать людей.

Сидя в лодке, Антуан покосился на пену за кормой и с грустью подумал о том, что, наверное, окончательно обратился в парижанина. Раньше вода для него была практически родной стихией, а теперь он смотрел на нее и мечтал только о том, как бы поскорее пересечь пролив, отделяющий берег от острова Дьявола.

Лодка ткнулась носом в берег. Антуан повторил, чтобы его подождали, пока он не вернется, и стал взбираться по тропинке среди скал. Там, наверху, громоздился бездействующий маяк, а на некотором расстоянии от него стоял небольшой двухэтажный дом, покрытый облупившейся розовой краской. Антуан сразу же вспомнил, что розовый был любимым цветом мадам Спонтини и что ее муж перекрасил дом, чтобы ей угодить.

«А перед домом были разбиты цветники... И жена смотрителя, такая хорошенькая в своем кокетливом платье, любила сама поливать цветы...»

Он сморщился, как от физической боли, и быстрым шагом двинулся к входной двери.

Глава 7

Заноза в сердце

– Кто-то идет, – сказал слуга.

Эжен Фализ отвернулся от окна.

– Да, я видел... Он приплыл на лодке. Что-нибудь известно о том, кто он такой?

Слуга покачал головой. В гостиную вошла служанка, угрюмая особа лет тридцати с гладко зачесанными темными волосами.

– Там... – начала она, но хозяин нетерпеливо взмахнул рукой.

– Знаю, Мари, там посторонний.

– Он уже стучит в дверь, – добавила служанка.

Все трое замерли, прислушиваясь к доносящемуся снизу стуку.

– Очевидно, придется его выпустить, – пробормотал хозяин, оглядываясь на остальных.

Он явно нервничал. – Откройте дверь, Жюльен.

– А что делать с *ней*? – хмуро спросила Мари после того, как Жюльен скрылся за дверью.

– Делать? Ничего. Она сидит в своей комнате?

– Да.

– В каком она состоянии?

– Не лучше и не хуже, – пожала плечами служанка. – Иногда бормочет что-то про ветер и про птицу, которая стала принцессой. Но вообще хлопот с ней немного.

– Бедняжка, – вздохнул хозяин. – Я никогда не считал себя сентиментальным человеком, но, честное слово, как только я думаю о бедной мадам... У меня сердце кровью обливается.

Служанка в ответ лишь фыркнула, а Жюльен тем временем уже ввел в комнату человека, только что прибывшего на остров Дьявола.

– Мы нужны вам, мсье? – спросила Мари.

Жестом Эжен Фализ отослал слуг, и те скрылись за дверью. Антуан тем временем пристально изучал человека, который стоял перед ним. Средних лет, ухоженный щеголь, поверх темно-серого жилета змеится солидная золотая цепочка часов. Хоть явно и не ждал гостей, но одет по-парижски, – никаких домашних халатов и тому подобного. Голова маленькая, прямые светлые усики тщательно подстрижены, на темени небольшая плешь. Немного встревожен – это Антуан понял сразу же по его взгляду. Знать бы еще чем.

– Я имею честь говорить с мсье Эженом Фализом?

– Да, мсье. Простите, а вы...

– Меня зовут Антуан Молине, я инспектор полиции.

Слово «парижской» наш герой предусмотрительно опустил, чтобы избежать неуместных расспросов о зоне его ответственности.

– О! – вырвалось у озадаченного хозяина. – Садитесь, прошу вас, инспектор... По правде говоря, я не представляю, чем вызван ваш визит, но...

– Причина, к сожалению, неприятная. Вы в курсе, что Фредерик Варен бежал?

– Варен? Это тот... как его... который убивал женщин?

– Да, это он. Поскольку вы живете здесь, я подумал, что вас надо поставить в известность. – Антуан прищурился. – Кстати, сколько человек сейчас проживает в доме?

– Сколько? Погодите-ка... Я, затем Жюльен – мой лакей, Мари – горничная, Ив – повар...

– Это все, кто здесь находится?

– Почти. Ах да, еще Рене, это моя жена.

На памяти инспектора Эжен Фализ был первым человеком, который назвал свою жену после перечисления прислуги. Впрочем, если она душевнобольная, можно понять, отчего он избегает упоминаний о ней.

– Мне нужны фамилии, – сказал инспектор, доставая записную книжку. – Простите, но такова формальность.

Формальность позволила ему узнать фамилии всех слуг, а также кое-какие подробности их биографии. К примеру, Ив отлично готовит рыбу, а Жюльен служит у Фализа больше десяти лет.

– Вы могли бы позвать сюда вашего повара? – спросил Антуан.

– Зачем? – изумился хозяин дома. – Неужели вы думаете, что... Впрочем, как хотите. – Он позвонил в колокольчик и, когда Мари появилась на пороге, попросил ее пригласить в гостиную повара.

– Я хотел бы распорядиться насчет обеда, – быстро добавил Фализ.

Повар-кудесник оказался неразговорчивым малым лет тридцати пяти. Самой примечательной деталью его внешности был нос, расплющенный в старой драке. Для виду Антуан задал ему несколько вопросов и, когда Ив односложно ответил на них, разрешил ему удалиться.

– Мне кажется, инспектор, – несмело начал Фализ, – конечно, я ничего не смыслю в работе полиции, но все же я не понимаю, чем вызвано такое внимание. – Судя по запутанности фразы, человек, который ее произнес, чувствовал себя не в своей тарелке, и инспектор не преминул отметить данное обстоятельство.

– По-моему, это очевидно, – промолвил он вслух, отвечая на подразумеваемый вопрос собеседника. – Я должен был предупредить вас, а также увидеть всех, кто находится в доме.

– Вы полагали, что Фредерик Варен – один из нас? – поднял брови хозяин дома.

– Вы действительно не разбираетесь в работе полиции, – усмехнулся Антуан. – Дорогой мсье Фализ, полицейские сначала собирают факты, а уже потом строят теории. Пытаться делать выводы, не имея на руках никаких фактов, по меньшей мере самонадеянно.

– Ну что ж, – сказал Фализ, выжав из себя некое подобие улыбки, – поскольку вы успешно справились с обеими частями вашей миссии...

– Разве?

Тон Антуана подразумевал гораздо больше, чем вмещает это слово; в сущности, он означал: «Ты решил, что от меня так просто отделаться? Зря...»

– Есть что-то еще, чего вы не выполнили? – спросил хозяин почти с вызовом.

– Да, я видел не всех обитателей этого дома. Скажите, где ваша жена?

– Моя жена? – смутился Фализ, бросив взгляд поверх плеча инспектора в направлении двери.

Тут что-то неуловимо изменилось в его лице, в нем появилось какое-то новое, напряженное выражение. Антуан живо обернулся...

Она стояла на пороге, играя дорогим веером, – ослепительно-красивая, восхитительно молодая белокурая дама в платье оттенка зеленоватого перламутра. Впрочем, позже, когда Антуан пытался разложить на части свое первое впечатление, он обнаружил, что запомнил до обидного мало деталей. Даже платье, наверняка сшитое не последним парижским кутюрье, запечатлелось в его памяти невыразительным светлым пятном.

«Нет, не русалка, вздор все это... Но как жаль, как жаль, что она не в себе!»

– Кажется, у нас гости? – спросила дама, подходя ближе и глядя на него своими странными глазами золотистого цвета.

– Дорогая Рене, – поспешно промолвил Фализ, – разреши тебе представить... Это мой старый знакомый, э... – Он послал инспектору умоляющий взгляд.

– Антуан Молине.

– Я вас знаю, Антуан, – объявила дама с улыбкой, открывая веер. – Вы кофейник.

Мсье Фализ позеленел, и вовсе не из-за похвального желания гармонировать с тоном платья жены.

– Дорогая...

– Конечно, он кофейник: я его узнала. Стоит на подносе в моей комнате, а потом – хоп! – прыгивает оттуда и притворяется человеком. И зачем вы притворяетесь? – капризно спросила она у Антуана. – Я же все равно знаю, что вы кофейник.

– Рене, милая...

В дверях уже маячили встревоженные Жюльен и Мари.

– Что? – обиженно спросила золотоглазая красавица, резким движением захлопывая веер и поворачиваясь к мужу. – Ты думаешь, он чайник? Но он не похож на чайник. И на сахарницу он тоже не похож. Я хорошо разбираюсь в людях, уверяю тебя!

– Простите, ради бога, – пролепетал Фализ, мучительно краснея. Он взял Рене за локоть, бережно подвел ее к двери и передал слугам. – Отведите мадам в комнату, я приду позже... Дорогая, тебе лучше отдохнуть.

– Отдохнуть? – переспросила она с таким выражением, что у Антуана сжалось сердце. – Конечно, ты прав. Я буду вести себя хорошо.

– Вот и славно, дорогая.

Жюльен распахнул дверь, а Мари осторожно повела хозяйку дома прочь. Прежде чем удалиться, она обернулась, присела в подобии реверанса и, приложив к губам веер, послала Антуану прощальный взгляд, который засел в его сердце как заноза.

– Моя жена не вполне здорова, – пробормотал Фализ, когда шаги Рене и ее сопровождающих стихли за дверью. – Она... э...

– Можете ничего не говорить, – резче, чем ему хотелось бы, промолвил инспектор. – Я все видел. И, – он сделал над собой усилие, – очень вам сочувствую. Врачи что-нибудь говорят?

– Что они могут сказать? – уже с раздражением промолвил Фализ, вытирая платком лоб.

– Почему это с ней произошло, например. – Никакая сила на свете не смогла бы заставить Антуана произнести: «мадам Фализ», и оттого он предпочел нейтральное «с ней».

– Поверьте, наши врачи только делают вид, что что-то знают, – устало проговорил Фализ, пряча платок. – Впрочем, известно, что бабушка Рене когда-то сошла с ума – без всяких видимых причин. Возможно, дело в наследственности, хотя сейчас меня это мало волнует. Я лишь хочу понять, можно ли сделать так, чтобы Рене поправилась.

– И это делает вам честь, – довольно кисло промолвил инспектор. – Скажите, вам известна история этого острова и конкретно – дома, в котором вы сейчас находитесь?

– Я знаю, что последним его владельцем был смотритель маяка.

– А вы знаете, что он убил здесь свою жену, двоих детей и приятеля, который был любовником жены?

– Да, до меня доходили такие слухи.

Тут Антуан увидел возможность укусить Фализа – и незамедлительно ею воспользовался.

– Это не слухи, – поставил инспектор на место коротышку, – а правда. Вы действительно полагаете, что ваша жена может поправиться в таком месте?

– Ей ничего не известно о прошлом этого дома, – спокойно парировал его собеседник. – Боюсь, даже если бы вы рассказали ей, что именно здесь произошло, она бы ничего не поняла.

– Вот как? Значит, дело настолько плохо?

– Она живет в своем собственном мире, – тускло промолвил Фализ, глядя мимо Антуана. – Все остальное она просто не замечает.

«Можно подумать, ты стоишь того, чтобы тебя замечали», – подумал рассерженный инспектор. Его душило раздражение, и оттого, что он отлично сознавал, что не имеет никакого морального права раздражаться, он злился еще больше.

Повторив свое предупреждение насчет Фредерика Варена, Антуан бегло перечислил приметы преступника. Рост метр восемьдесят сантиметров, волосы темно-русые, глаза серые...

– Особая примета – отрубленная голова под кроватью, – хмыкнул Фализ, блеснув глазами. – Не так ли, инспектор?

«А у тебя, оказывается, есть чувство юмора», – подумал Антуан, не удержавшись от улыбки.

– Поверьте, мсье Фализ, это не я упустил его, – ответил он, напустив на себя серьезный вид.

– Ну, значит, ваши коллеги. Конечно, я благодарен вам за заботу, но неужели вы всерьез полагаете, что Варен может сунуться на наш островок? Я уж молчу о предположении, что он может быть одним из моих слуг...

– Я просто обязан был предупредить вас и все проверить, – вывернулся инспектор. – Кстати, вы держите в доме оружие?

– У меня нет оружия, – спокойно отозвался Фализ. – В доме, где находится моя жена... Поверьте, ваш вопрос просто неуместен.

– Но, может быть, что-то осталось от старого хозяина? Я слышал, что дом вам передали в пользование вместе со всей обстановкой.

Фализ задумался.

– Хорошо, что вы мне напомнили, – сказал он наконец. – У меня просто из головы вылетело. Кажется, на чердаке я и впрямь видел какое-то ружье.

– Вот как?

– Да, ничего особенного, обыкновенная двустволка. Я забыл о ней, потому что Рене все равно не ходит на чердак.

– Почему?

– Вряд ли это имеет отношение к делу, – с расстановкой промолвил Фализ, буравя взглядом своего собеседника, – но ей кажется, что там под ступенями живет крокодил, и он может ее укусить. Она боится чердака.

– Что ж, я полагаю, что в данных обстоятельствах оружие вам не мешает. – Антуан поднялся с места. – Конечно, вам кажется, что мы нагнетаем панику на пустом месте, но, пока Варен не пойман, лучше перестраховаться... Всего доброго, мсье.

– До свидания, – сказал Фализ. – Был очень рад с вами познакомиться. Надеюсь, что этого негодяя скоро схватят, и он никому больше не сможет причинить вреда.

– Поверьте, я тоже на это надеюсь, – совершенно искренне ответил инспектор.

Выйдя из дома, Антуан некоторое время стоял, засунув руки в карманы и глядя невидящим взором на контур цветников, выложенный ракушками. Госпожа Спонтини любила свой сад, но после ее гибели он пришел в запустение, и сегодня о ней больше не напоминало ничто, кроме этих ракушек.

«И что я тут забыл? Конечно, она не поправится. Крокодил под ступенями... А, черт побери!»

Антуан свирепо насупился и двинулся к маяку, недалеко от которого его дожидалась лодка.

«И почему я не могу перестать думать о ней? – спросил он себя через несколько шагов. – В мире столько женщин... и надо же было именно этой махнуть длинными ресницами в мою сторону, и все – вот он я. Готовенький...»

«А все-таки жизнь несправедлива, – со вздохом заключил он, подойдя к маяку вплотную. – Столько болванов наслаждаются отличным здоровьем, в то время как некоторые...»

Тут он почувствовал необходимость отвлечься от навязчивых мыслей о золотоглазой жене Эжена Фализа и, вместо того чтобы спускаться туда, где его ждала лодка, стал рассматривать маяк.

Хоть и считалось, что маяк на острове Дьявола мало-помалу разрушается, снаружи было не слишком заметно, что он давно заброшен. Серая башня нависала над серым морем и вонзалась в серое небо, словно бросая вызов любому, кто решил бы сюда войти.

«Кажется, внутри должна быть винтовая лестница до самого верха, – мелькнуло в голове у Антуана. – И Спонтини... Спонтини взбирался по ней каждый день».

При одной мысли об этом его неодолимо потянуло спуститься к лодке и забыть о старом маяке, но инспектор не привык пасовать перед страхами. Толкнув заржавленную дверь, он вошел.

Ноздри его уловили характерный запах сырости и чего-то невообразимо затхлого и унылого, так всегда пахнет в зданиях, давно забывших присутствие человека. За стенами башни гудел ветер, порывами налетавший с океана. Свет едва проникал внутрь.

Не без труда инспектор нащупал первые ступени винтовой лестницы, но тут в полумраке послышалась какая-то возня, и он замер на месте.

– Эй, кто тут? – не выдержав, крикнул он.

Несколько летучих мышей, потревоженных его появлением, с мерзким писком вылетели ему навстречу, а одна из них задела его крыльями по лицу. Выругавшись, Антуан отскочил к выходу.

«И какого черта меня понесло внутрь? На винтовой лестнице и в ясный день немудрено свернуть себе шею, а уж когда не видать ни зги – так вообще плевое дело...»

Не думая больше о маяке и запретив себе думать о молодой женщине с золотистыми глазами, Антуан поспешил к лодке, которая покачивалась между прибрежных скал.

«Как причалим, первым делом пропущу стаканчик у папаши Менги... Черт, до чего же холодно на этом паршивом острове! Еще хуже, чем на берегу...»

...Лодка с инспектором и гребцами преодолела уже половину пути до берега, когда человек, затаившийся на винтовой лестнице маяка, наконец-то опустил обломок кирпича, который держал в руке.

Пот струился у него вдоль висков, сердце колотилось так, словно вот-вот собиралось выпрыгнуть из груди. Слабый свет, падавший из окна, освещал всклокоченные темно-русые волосы, недавно подстриженные вкривь и вкось, и бледное лицо с большими серыми глазами.

«Ушел... Слава богу, ушел... А ведь он мог меня обнаружить, и тогда...»

Но о том, что случилось бы «тогда», Фредерику Варену совсем не хотелось думать. Он привалился затылком к стене и закрыл глаза.

Глава 8

Черный камень

Мариэтта была встревожена. Нет, дорогой племянник не просил снова седлать ему коня и не мчался сломя голову на поиски приключений. Он даже проявил пунктуальность и вернулся домой к обеду, но по виду Антуана было заметно, что мыслями он бродит где-то далеко. Он даже не обратил внимания на то, что тетка распорядилась сделать на десерт его любимое шоколадное печенье.

– Есть какие-нибудь новости? – спросила Мариэтта.

Она ожидала, что племянник оживится и забросает ее подробностями о ходе расследования, которые ей были совершенно неинтересны. По-настоящему ее волновало только одно – чтобы Варена как можно скорее поймали, а как именно это будет сделано, ей было абсолютно не важно.

– Откуда мне знать, что там происходит, – проворчал Антуан, – ведь не я же веду расследование...

Он заговорил о том, что ему удалось вчера узнать у Жерара, а также у прислуги убитого доктора Ривоаля.

– Он немного знал Варена. То есть знакомы они не были, но как-то доктор играл в бильярд, и Варен оказался среди зрителей, делал громкие замечания и обратил на себя внимание. Потом Ривоаль заметил его возле дома жертвы и вспомнил, что видел его раньше. Вообще доктор был довольно скромный человек, а получилось так, что именно его показания помогли припереть Варена к стенке. Слуги говорят, он был совершенно измотан процессом...

– Кто, Варен? Неудивительно...

– Тетя, я говорю о докторе Ривоале. Ты меня вообще слушаешь?

– И очень внимательно слушаю. Так что там с доктором?

– Ничего, то есть он уехал после суда в Дуарнене, чтобы его не беспокоили. Но нервы у него были не в порядке, он даже начал ссориться с женой, чего раньше никогда не происходило.

– Нет таких семей, где муж никогда бы не ссорился с женой, – ровным тоном изрекла тетя Мариэтта, беря начатое вышивание. – Чепуха это.

– А доктор раньше с женой не ссорился, и жили они душа в душу. Слуги говорят, он хотел вернуться в Кемпер, когда Варена казнят и о его деле перестанут говорить. Но ты сама знаешь, что произошло в то утро казни.

– Мсье Ривоалю следовало вернуться в Кемпер, как только он узнал, что Варен сбежал, – сказала Мариэтта. – Тем более что слуги испугались и решили уйти.

– Ну а доктор заявил, что никого не боится, – хмыкнул Антуан. – Кроме того, должна была приехать его теща, мадам Бувье.

– Зачем?

– Она узнала, что дочь ссорится с мужем, и решила в это вмешаться.

– Никогда не видела, чтобы из вмешательства в дела супругов выходило что-нибудь путное, – назидательно заметила Мариэтта, распутывая непокорную нитку. – Теща, свекровь, да кто угодно могут только все испортить еще больше.

– Ну, мадам Бувье, судя по всему, придерживалась другой точки зрения, – усмехнулся Антуан. – Есть еще один момент, о котором мне сообщил Жерар. Доктор и его жена зависели от мадам Бувье финансово, к тому же процесс не самым лучшим образом отразился на практике врача. В Париже было бы наоборот, там скандал создает человеку известность, но не в Кемпере. Одним словом, теща заявила, что приедет, и они не посмели ей перечить.

– Ничего-то я не понимаю в этой жизни, – пробормотала Мариэтта, поводя своими сухонькими плечами. – Власти говорят, что мы должны выполнять свой гражданский долг, и всякое такое. Доктор Ривоаль исполнил свой гражданский долг, опознал убийцу, помог приговорить его к смерти, а что получил взамен? Его практика расстроилась, убийца сбежал, прикончил доктора и его несчастную жену.

– Тетя!

– Может, лучше было сделать вид, что он не узнал Варена и вообще никого в ту ночь не видел? Но ты, наверное, уже считаешь меня занудной старой клячей, которая сует нос не в свои дела.

– Тетя, когда я так говорил?

– Почему он не сопротивлялся? Почему не пытался защитить свою жену? Их было двое, Варен один, а у докторов всегда полно инструментов, которыми можно зарезать человека за здорово живешь.

– Тетя, о чем ты говоришь? Фредерик Варен всегда застигал свои жертвы врасплох. Такой у этого гаденыша метод. Ни одна из его жертв не ушла от него живой.

– И поэтому ты хочешь его найти? Чтобы положить убийствам конец?

– Я бы хотел его найти, – признался Антуан, и его черные глаза сверкнули так, что Мариэтта даже поежилась. – Но я реалист и знаю, что судьба не преподносит таких подарков. Впрочем, по крайней мере, я предупредил людей, чтобы они держались начеку.

– Что за люди? – осведомилась Мариэтта ангельским тоном, глядя на племянника поверх очков. – По-моему, из газет уже всем и так все должно быть ясно.

Антуан замялся.

– Я был утром на острове Дьявола, – сказал он наконец.

– О!

Это коротенькое восклицание вместило в себя куда больше, чем иная поощрительная речь, и Мариэтта с любопытством ждала продолжения. Однако Антуан молчал и зачем-то смотрел на любовно вычищенный кофейник, стоявший на столе.

– Видел приезжих? – подала голос тетка, вдевая в иголку новую нить.

– Да, видел.

– И мадам Фализ тоже?

Антуан усмехнулся и кивнул.

– Она сказала, что я напоминаю ей кофейник.

– Пф! Так она совсем того?..

– Насколько я могу судить, да. – Губы Антуана сжались. – Ее муж мне не понравился. Не знаю почему, но не нравится, и все тут.

– Думаешь, это может быть переодетый Фредерик Варен?

– Фализ как минимум на голову ниже. И дело вовсе не в Варене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.